

СМЕНА

№ 14 ИЮЛЬ 1970

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА», МОСКВА

КОМСОРГ
С АТОМНОЙ

БЕСЕДА С ПАРТИЙНЫМ РУКОВОДИТЕЛЕМ

С ПЕРВЫМ СЕКРЕТАРЕМ
ЦЕНТРАЛЬНОГО КОМИТЕТА
КОМУНИСТИЧЕСКОЙ ПАРТИИ
МОЛДАВИИ
ИВАНОВ ИВАНОВИЧ БОДОЛОВ
БЕСЕДУЕТ КОРРЕСПОНДЕНТ
«СМЕНЫ»

МОЛОДЕЖЬ

— КАКОЕ ЗНАЧЕНИЕ ПРИДАЕТЕ ВЫ ТРУДОВОМУ ВОСПИТАНИЮ ЮНОШЕЙ И ДЕВУШЕК?

— Все прекрасное на земле создано трудом человека, труд — основа жизни, да и сам человек создан трудом. Из этого положения, видимо, и следует исходить в определении места трудового воспитания в системе коммунистического воспитания молодежи. Каждому молодому поколению предстоит создавать себя как бы заново. Оно должно усвоить наши идеальные принципы, сформировать свое общественное лицо. И главным инструментом в этой работе является труд, он как бы лепит человека.

— ГОВОРЯ ДРУГИМИ СЛОВАМИ, ОТНОШЕНИЕ К ТРУДУ — ЭТО ЧАСТЬ МИРОВОЗЗРЕНИЯ ЧЕЛОВЕКА?

— Несомненно. Известно, что люди трудятся и в нашей и в буржуазном обществе. Но взгляды на труд у них различны, можно даже сказать — противоположны. В условиях эксплуататорского строя трудящийся чувствует себя униженным оттого, что продукт его работы присваивается хозяином. Отсюда следует и отношение к труду как к тяжелой, обременительной обязанности. Иное дело в нашей стране: советский трудящийся сознает, что плоды труда его служат ему и обществу, в развитии которого он криво заинтересован.

Интересно отметить такой факт. На некоторых наших предприятиях тяжелой труда не меньше, чем на заво-

дах и фабриках капиталистических стран. Но сравните между собой людей, работающих там и тут. Какой-нибудь американский шахтер, грузчик прячет в обществе свои натруженные руки, ему не хочется созвонаться, что он простой рабочий, потому что рабочий в тех условиях значит «зависимый» и само слово «рабочий» звучит едва ли не презрительно. В нашей стране, напротив, нет выше звания человека труда. Свободный и равноправный человек чувствует себя хозяином страны. Величайшее счастье нашей молодежи в том, что ее сознание, мораль формируются в условиях свободного труда, под влиянием идей, выработанных революцией, великим Лениным.

— КАКИМ ОБРАЗОМ, НА ВАШ ВЗГЛЯД, МОЖНО ПРИВИТЬ ЛЮБОВЬ К ТРУДУ МОЛОДЫМ ЛЮДЯМ?

— Конечно, нет и не может быть общего для всех рецептов, следуя которому можно было бы в один момент парно или девушке привить любовь к работе. Это особый процесс, причем длительный и многоплановый. Жизнь показывает, что если человека не приучат к труду с детских лет, вряд ли он станет полноценным рабочником позже. Каждый день, каждый шаг его родителей, книги, газеты, вся наша действительность формируют молодого человека, иногда незаметно для него самого.

Огромную роль в этом процессе играет школа. Как правило, она выпускает из своих стен людей, готовых

к труду. Однако в работе школы в этом смысле имеются и немалые недостатки. Нередко приобщение к труду понимается как выполнение любой работы. Считается достаточным, например, если дети копают клумбы, подметают двор. Споры нет, это тоже нужное дело. Но нельзя сводить к этому трудовое воспитание детей. Им свойственна жажда творчества, они хотят своими руками создавать что-нибудь более значительное, нужное другим людям. Я имею в виду прежде всего техническое творчество школьников. Нередко оно стоит на очень низком уровне. Часто говорят: в школе нет технических кружков из-за отсутствия того, что называется материальной базой. Видно, все обстоит как раз наоборот: нет материальной базы потому, что иные руководители школ не понимают еще всей важности развития технического творчества детей. Опыт школы и жваж, где успешно действуют технические кружки, как магнит притягивающие школьников после уроков, только подтверждает эту мысль.

Широкие возможности имеются и для трудового воспитания студенческой молодежи. В последние годы мощное развитие получили студенческие строительные отряды. Сама бурность этого процесса говорит о накопившейся у студентов потребности трудиться, а практические их дела свидетельствуют, что они не только хотят, но и умеют работать. Приведу такую цифру: за последние пятьдесят студенческие отряды Молдавии

выполнили работ на 33 миллиона рублей.

И все-таки эти отряды не следует рассматривать как единственную форму трудового вклада студенческой молодежи. Многие студенты не выезжают на крупные стройки и целины, остаются в городах и селах, где проживают их родители. Работать же во время каникул, участвовать в полевом труде надо всем. После обычной учебы, которая, прямо скажем, истощает нервную систему, лучше всего ее восстанавливает физическая работа, приносящая душевное удовлетворение. Такое занятие каждый может найти на производстве, где трудятся его отец или мать. Это имеет не только символическое, но и принципиальное, идейное значение: бывшая в коллективе, в котором работают родители, почувствовала его атмосферу, сын и дочь скорее и глубже будут усваивать нашу идеологию. Еще прочнее станет преимущество поколений. Не случайно на предприятиях всегда с большой охотой принимают детей рабочих заводов, окружат почтеном и уважением рабочие династии. Вообще же рождение рабочих династий — хорошая традиция, и ее следует всемерно поощрять. Это результат правильного трудового воспитания.

Не секрет, что молодой человек находится под большим влиянием семьи, значительную часть жизни он проводит дома. Усилила общественных организаций по воспитанию юношей и девушек могут оказаться тщет-

ны, если дама мирится с их бездельем или даже посягает его. Это «мало семки», тогда родители искусственно ограждают детей от трудностей, от работы, рассуждая примерно так: мы в свое время испытали немало, пусть хотя бы надо наше горя не знает, будет легче и лучше. Это — великое заблуждение. Жизнь легче вовсе не означает жить лучше.

Несколько слов хотелось бы сказать о ставших уже традицией постоянные встречи ветеранов труда с молодыми рабочими. На встречах, вечерах посещения в работе, на праздниках первой получки молодые рабочие слушают рассказы своих старших товарищей, за плечами которых богатый жизненный опыт. Эти рассказы позволяют сравнить, как было прежде и как стало теперь, а судьбы кадровых рабочих, таких, например, как ветеран труда, почетный гражданин Кишинева тов. Шелара П. Т., член ЦК Компартии Молдавии тов. Вейса В. И., лучше всего убеждают молодых в правильности избранного пути.

— ТРУД ПРИНОСИТ ПОЛНОЕ УДОВОЛЕНИЕ, ЕСЛИ ЭТО ЛЮБИМЫЙ ТРУД, ЧТО ДЕЛАЕТСЯ В МОЛДАВИИ, ЧТОБЫ ЮНОЩИ И ДЕВУШКИ МОГЛИ ВЫБРАТЬ ПРОФЕССИЮ ПО ДУШЕ?

— В работе с молодежью мы всегда подчеркиваем, что труд не только средство получения материальных благ. Труд повышает культуру человека, открывает перед ним возможности творчества. Воспитывая в таком духе юношей и девушек, мы отдаем себе отчет, каково высокое требование к труду это, в свою очередь, порождает. Социологические исследования показывают, что чем выше у молодых образование, общий уровень культуры, тем шире круг его интересов, потребностей. Нынешние выпускники школ, приходя на предприятия, не хотят мириться с недостатками, с которыми мы встречаем старшего поколения, быть может, примириться. В школе они получают информацию о последних достижениях науки и техники и хотят видеть их на своем предприятии. Кроме того, молодежь любознательна, она читает множество технических и специальных изданий, из которых берет сведения о передовом опыте и опыт-таки требует применения его на своем производстве. Это, кстати, одна из причин, почему приток молодых сил на предприятия ускоряет его деятельность, ускоряет технический прогресс. Но нас в данном случае интересует другая сторона явления: человеку, у которого возникло чувство социального ответственного отношения к труду, неизбежно, какую выбрать профессию. Ему нужно то единственное дело, в котором он может проявить себя с наибольшей полнотой. Отсюда возникает необходимость иметь хорошо налаженную систему ориентации, создать условия свободного выбора профессии по своим знаниям и стремлениям.

Что же делается в этом направлении в нашей республике? Важная здесь задача — естественно, школе. Но немалое значение имеет и домашнее воспитание, родительский совет. Когда юноша и девушка, вступающая в самостоятельную жизнь, ломают себе голову над выбором профессии, над будущим, никому не должны быть сторонним наблюдателям. В процессе воспитания в семье обученная в школе, трудовой практики, на встречах с ветеранами труда молодежь получает необходимые сведения о профессиях.

Смысл ведения этой работы профессия — сбор информации о ней. Здесь хотелось бы высказать замечание в адрес нашей прессы. Мы знаем, какое значение для нас сформировавшаяся еще одного характера имеет мнение других. Юно-

ше и девушки немаловажно, что об их будущей профессии скажут родители. Если родители скажут, что пишут о ней в газете. Анализируя информацию, молодые люди могут заметить, что больше всего я еще всего пишется в печати о космонавтах, ученых, артистах и удивительно, что в некоторых случаях не советуют идти молодым людям в сферу обслуживания, например, в продажи, считают это неблагоприятным трудом. Думается, что односторонность в освещении профессии, кроме вреда, не приносит ничего.

Но вернемся к разговору о системе ориентации. Принято в прошлом году специальное постановление ЦК КПСС и Совета Министров СССР поднимать деятельность системы профтехобразования на новую высоту. Отныне молодой человек получает в ПТУ не только профессию, но и среднее образование. В нашей республике работают 55 профтехучилищ, которые обучают свыше 24 тысяч человек, что почти вдвое больше, чем было в начале пятилетия. Год от года растет число профессий, которые обучают в ПТУ. В этом году, например, Кишиневские профтехучилища № 6 выпустили впервые в республике специалистов службы быта. Комсомольские организации и руководители профтехучилищ осуществляют большую работу по пропаганде профессий, проводят «дни открытых дверей», праздники молодых рабочих, организуют поездки агитбригад по районам республики.

— КАК ВЫ РАССМАТРИВАЕТЕ ТАКОЕ ЯВЛЕНИЕ, КАК ТЕКУЩИЕ «КАДРОВЫЕ» КАБОРЬЩИ С «ПРЕТЕКАЮЩИМИ» РАБОЧИХ С ОДНОГО ПРЕДПРИЯТИЯ НА ДРУГОЕ?

— Прежде всего хочу сказать, что это явление наносит серьезный урон нашему хозяйству. Оно отрицательно сказывается и на морали человека. Мотив работы — в известном смысле прогнил. Происходит помехи жизни, надо заново приспособляться к новому станку, входить в коллектив, привыкать к его порядкам. Такая помеха всегда болезненна. Об этом свидетельствуют факты: в первые месяцы на новом месте человек работает хуже, чем обычно, а значит, и меньше зарабатывает. Кстати, и на старом месте у работника, задумавшего уйти, снижается интерес к работе, падает производительность труда. Ясно, что государство все это наносит урон. Отношение к труду у «летунов», как правило, безответственное, что вызывает справедливое возмущение честных труженников. Декабрьский Пленум ЦК КПСС призвал к более активному укреплению дисциплины труда, усилению борьбы с лгунами и прогульщиками.

Сказать о борьбе с подобными явлениями и умолчать о причинах, их порождающих, будет несправедливо. Причины, видимо, следует искать в легком отношении некоторых людей к своему долгу и месту. Иному считать завод все равно, что перчатки. Даже кое-кто считает это модным. Мне думается, что летуны — это люди, не получившие сколько-нибудь трудовых навыков. Для них погоня за личным благополучием превъше всего. Вот почему летуны не должны вызывать сочувствия. Решающим фактором в борьбе с ними должна стать нетерпимость к недисциплинированности и безответственности.

— НО БЫВАЕТ, ЧТО РАБОЧИЙ УХОДИТ ПОТОМУ, ЧТО НЕ НРАВИТСЯ РАБОТА, НЕ УСТРАИВАЮТ БЫТОВЫЕ ИЛИ ДРУГИЕ УСЛОВИЯ.

— Да, действительно, создаваемые плохой работой городского транспорта, недостатками в организации общественного питания, ослабляющий интерес к работе на том или ином заводе. Но, думаю, что это не должно быть причиной ухода с пред-

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

СМЕНА
ЛИТЕРАТУРНО — ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ И ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ ЦЕНТРАЛЬНОГО КОМИТЕТА ВЛКСМ

Основа в январе 1924 года

Выходит 14 раз в месяц

№ 14 (1034)
ИЮЛЬ
1970

И в ша в б е а в о ж и в е: на Новооронской атомной станции
Фото Сергея ПЕТРУХИНА
Фотоиллюстрация «Комсомолец атомной» — на страницах 2—7.

8 СВАТОВСТВО ЮРКИ ШУР-ПАКОВА. Рассказ Геннадия МАШКИНА.

12 СЛАВНАЯ НОЧЬ ДЛЯ ЛОВЛИ КАЛЬМАРОВ. Репортаж Юрия РОСТА.

16 МУЖЕСТВЕННАЯ И СОЗНАТЕЛЬНАЯ ГАРМОНИЯ. Образ народа в творчестве молодых художников Белоруссии.

20 АВТОМАТ И ТАМ-ТАМ. Репортаж из Гвиней (Бисау).

В СЛЕДУЮЩЕМ НОМЕРЕ:

ТВОЯ ПРОФЕССИЯ.

ИСПЫТАТЕЛИ. РЕПОРТАЖ С АВТОПОЛИГОНА

ДИМИТРИ КАБАЛЕВСКИЙ.

СЛОВО ОБ ЭСТЕТИКЕ

МОРЯКИ С ТОРПЕДНЫХ КАТЕРОВ

Главный редактор А. Д. ГОЛУБЕВ

РЕДКОЛЛЕГИЯ: Г. М. Гусев, Е. А. Демидовский, К. Н. Замощин, Р. Ф. Казлова, А. П. Кушев, А. С. Лавров, А. А. Ляхова (ответственный секретарь), В. В. Луцкий (заместитель главного редактора), Е. И. Рабчиков, Г. В. Семенов, С. С. Смирнов, А. Б. Стуков (главный художник)

Художник Г. С. Терзибашьянц Технический редактор Н. И. Бужидина

принята. Ведь для каждого советского рабочего завод, фабрика, где он трудится, является его родным домом. Если почему-либо складываются подобные трудности, то это вовсе не означает, что надо бежать от них. Вспомним годы гражданской войны, первых пятилеток. Да если бы так, кто сегодня, сев на отсутствие хворьих болотов, столовых, помидоров, предпринять, тоже бежали от трудностей, то разве мы построили бы социализм! Уход от трудностей не метод борьбы с ними. К тому же это способствует развитию у молодых людей безволия, психологию нытиков.

— К НАМ В РЕДАКЦИЮ ПРИХОДИТ МНОГО ПИСЕМ, АВТОРЫ КОТОРЫХ РАБОТАЮТ У СТАНКА И ОДНОВРЕМЕННО УЧАТСЯ, НЕКОТОРЫЕ ИЗ НИХ МЕНТАЮТ О ДНЕ, КОГДА ПОЯВИТСЯ ДИПЛОМ И УИДУТ В ТЕХНИКИ И ИНЖЕНЕРЫ, КТО ЖЕ ОСТАНЕТСЯ У СТАНКА?

— Несмотря на то, что на многих заводах и фабриках не хватает специалистов, уже сегодня есть случаи, когда человек, окончивший заочно техникум или вуз, остается на прежнем рабочем месте. Таких немало на химических заводах «Волгоградоргхим», «Электромашина» и других. Остаются у станка рабочие, кто любит профессию. Она удовлетворяет их морскую коммунистическое отношение к труду, видеть и подхватывать то ценное, что рождается творчеством коллектива, поддерживать передовиков и распространять их опыт, заботиться об условиях труда, отдыхе молодежи — этим и должна заниматься комсомольская организация. Разуверьтесь, но в косяк случаев не следует дублировать другие общественные организации. Сейчас это уже позади, но была у наших комсомольцев такая практика: выходя из отрядов, рассказывали о себе, закладывая садов, виноградников, о производстве мяса теми же данными, что и в целом хозяйство. Бывало, собирались в школу из комсомольской справки с цифрой ЦСУ и видели, что она одна и та же. Правда, кое-где и сейчас еще случается, что комсомольцы в качестве заслуженных членов коллектива выдуют за свои. А ведь дело не в крупных цифрах, а в общем количестве мероприятий, а конкретном участии каждого комсомольца в решении общих задач. Мерой этого участия, видимо, можно и было измерять эффективность комсомольской работы.

— СЕРЬЕЗНЫМ СТИМУЛОМ В ТРУДЕ ЯВЛЯЕТСЯ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЕ СОРЕВНОВАНИЕ. КАКИЕ ФОРМЫ СОРЕВНОВАНИЯ ВЫ СЧИТАЕТЕ НАИБОЛЕЕ ЭФФЕКТИВНЫМИ?

— Соревнование должно преследовать главную цель: повысить эффективность производства, стимулировать улучшение качества продукции, бережливость и экономию, развивать мастерство рабочих. Решение этих задач дает возможность лучше удовлетворить социальные и культурные потребности коллективов, материально поощрить каждого рабочего. Другими словами, материальное поощрение должно находиться в строгом соответствии с ростом производства.

Интересам развития производства служат и меры морального поощрения. Пожалуй, молодежи их выше ценить, что соответствует ее энтузиазму, стремлению к успеху. Однако такое звание можно считать одной из наиболее эффективных форм соревнования за звание лучшего по профессии, которые проводятся на многих предприятиях, в масштабе некоторых отраслей, районов, республик в целом. В Молдавии известны имена молодых рабочих — товарищ Кишиневского насосного завода имени Котляковского Василия Попа и фрезеровщика Кишиневского экспериментально-механического завода Геннадия Вишневского, удостоившихся на всесоюзном конкурсе рабочего мастера бронзовых медалей.

Методы морального поощрения, поэтому, больше относятся к молодежи и труду и общественной деятельности. И это закономерно. Молодежь присущи романтика, любознательность, гордость за свершенное, стремление отличиться с хорошим смысле слова. Но методами мораль-

ного поощрения следует уметь пользоваться. Чрезмерное заглаживание пагубно влияет на человека и на коллектив, в котором он трудится. Мы знаем немало случаев, когда слава кружила голову некоторым молодым людям. Не следует забывать, что именно молодежь более склонна к переоценке своих сил и возможностей.

— ИЗВЕСТНО, ЧТО В МОЛДАВИИ РАБОТАЕТ 117 ГЕРОЕВ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОГО ТРУДА. В КАКИХ СЕЛЬСКОМ ХОЗЯЙСТВЕ — 96, В ПРОМЫШЛЕННОСТИ, СТРОИТЕЛЬСТВЕ И ТРАНСПОРТЕ — 18 ЧЕЛОВЕК, ТО ЕСТЬ В ПЯТЬ С ТРИНАДЦАТЬ РАЗ МЕНЬШЕ, КАК ВЫ ОБЪЯСНЯЕТЕ ТАКОЕ ЯВЛЕНИЕ?

— В период борьбы за подъем сельского хозяйства многие труженники, в том числе молодежь, проявили подлинный героизм в борьбе за каждый сверхурочный центнер хлеба, килограмм мяса. Их личное мужество, вклад в развитие земледелия и животноводства высоко оценивались и оцениваются государством.

— КАКОВА НА ВАШ ВЗГЛЯД ЗАДАЧА КОМСОМОЛА НА ПРОИЗВОДСТВЕ?

— Задача комсомолов на производстве — задача прежде всего воспитательная. Привлекая к труду человека коммунистическое отношение к труду, видеть и подхватывать то ценное, что рождается творчеством коллектива, поддерживать передовиков и распространять их опыт, заботиться об условиях труда, отдыха молодежи — этим и должна заниматься комсомольская организация. Разуверьтесь, но в косяк случаев не следует дублировать другие общественные организации. Сейчас это уже позади, но была у наших комсомольцев такая практика: выходя из отрядов, рассказывали о себе, закладывая садов, виноградников, о производстве мяса теми же данными, что и в целом хозяйство. Бывало, собирались в школу из комсомольской справки с цифрой ЦСУ и видели, что она одна и та же. Правда, кое-где и сейчас еще случается, что комсомольцы в качестве заслуженных членов коллектива выдуют за свои. А ведь дело не в крупных цифрах, а в общем количестве мероприятий, а конкретном участии каждого комсомольца в решении общих задач. Мерой этого участия, видимо, можно и было измерять эффективность комсомольской работы.

Что касается конкретных задач комсомолов на сегодняшний день, то они вытекают из решений декабрьского Пленума ЦК КПСС. Им дано на быть борьба за свладение техникой, повышение эффективности общественного производства, укрепление организационной структуры. Вокруг лодарей, прогрессивных, явных нарушителей трудовой дисциплины необходимо создавать атмосферу жесткой нетерпимости. Там более что молодежи вообще чужда нетерпимость. Это свое качество она должна мобилизовать на борьбу с теми, кто не желает честно и упорно трудиться.

— КАК ВЫ ОХАРАКТЕРИЗОВАЛИ БЫ НЫНЕШНЕГО МОЛОДОГО ЧЕЛОВЕКА?

— Думаю, что для лучших представителей молодого рабочего класса характерны прежде всего высокая профессиональная культура, стремление овладеть современной техникой и знаниями, нетерпимость к отжившему, ко всему плохому в работе и жизни.

Но этим не исчерпываются характеристики нашего молодого современника. Он живо интересуется делами завода, деятельностью всего коллектива, внимательно следит за внутренними и международными событиями. Ему присущи чувства коллективизма, умение радоваться успехом товарища.

КОМСОМОЛЬСКИЙ ХАРАКТЕР

Евгений ДУРОВИН,
Сергей ПЕТРУХИН (фото)

Дарья Губино, секретарь комитет комсомола атомной станции, переспросил: — Так вам хорошего комсомол? У нас все хорошее. Хотите поговорить с Буравцовым? Инженер. Молодежь, много хорошего показало.

Мы идем по длинным светлым коридорам атомной. Скорее похоже на лабораторию, чем на станцию. Тихо люди в белых халатах или в синих формах с фирменными значками НВАЭС — Нововороженинская атомная электростанция. В огромные окна бьет жаркое солнце, за панцирем проводов и нагромождением стальных конструкций, напоминая виноградные плантации, виден голубой лес, широкая поляна и изогнувшись следом, как голубой кот, Дон.

Волдыр постоянно убегают вперед и вынуждают поднимать нас. — Комсомольско-инициево у нас двадцать два. Что такое иниции? По имени цеха. Цех так называется — ИИТА. Контрольно-измерительные приборы и автоматы — ну естественно вводит их не в курс дела — самая заметная и одна из основных профессия на атомной. Вся аппаратура в руках инниции. Глаза и уши, там сидят, станция. Заглядывают глазами — прибор — целая осязательная вышка строя. Семьсот второй блок состоит из новлен для профилактического ремонта. Буравцов со своим комсомольством в числе первых. Как и в субстанции. Не субстанции или области, а в лаборатории. Красный и нас гордо, правда!

Несколько слов о городе, где живет инниция. Это городок Анатолий Буравцов и еще 13 тысяч человек.

Чуть больше десяти лет назад здесь был пустырь, покрытый шарами заросших травой окопов. Никто уже не помнит, кто облюбовал именно это место, но, наверно, те люди были немного поэтами, потому что и город и атомная удивительно здорово вписались в пейзаж. Спокойно течет глубокий Дон, обгивая широкой дугой темные холмы с бурой почвой. Из прошлых годов остались: отдели с белым, вымытым дождями, просрушенным ветрами и солнцем песком; акуратные деревянные, где идет неторопливая хлебобобовая жизнь, где живая еще традиция, как солили здесь, на рубеже Русского государства, русские люди, как отбивали набиты крымских татар, как ходили на Азов.

Нововороженку от роду всего двадцатилет, но это уже малая наглядная подростком. У города есть все, что имеют города: своя история, свои традиции, свои герои. Сюда едут иностранные делегации, здесь проводятся международные симпозиумы.

Первое, что поражает приезжего, попавшего в Нововороженку впервые, ощущение новизны и молодости. Здесь все новое, современное: дома, магазины, кинотеатр. Дворов культуры, сама планировка города. Население — почти все — молодежь. Средний возраст жителей города — двадцать семь лет. Если уж крест, то бивает весь Нововороженку, если праздник — по улицам не пройти. Это и

ОПЫ САЛТОМНОГО

не удивительно. Ведь строительство атомной станции было объявлено Всесоюзной ударной комсомольской стройкой, и сюда, на пустырь в излучине Дона, приехала безусая молодежь со всех концов Советского Союза. Сейчас это молодые папы и мамы, но от этого их активность ничуть не уменьшилась: они ходят в туристские походы, участвуют в фестивалях, увлекаются спортом, рисуют, пишут стихи. В Новозорониче создан клуб автомобилистов «Тихий Дон» под почетным председательством М. А. Шолохова. Участники этого клуба прошли многие тысячи километров по нашей стране, побывали за границей...

Поворот, еще поворот. Володя вдруг остенаивается и показывает рукой вперед.

— Вот он!

Мы смотрим во все глаза, но видим перед собой лишь стену.

— Да вот же! Вот! Лучший рационализатор станции!

Наконец мы догадываемся, что Володя имеет в виду не живого человека, а фотографию. Со стенда «Лучшие рационализаторы» на нас глядит средних лет человек в черном костюме при галстуке.

— Вот он и есть Буравцов! — объявляет Володя. — У него двенадцать распределений. В честь Ленинского юбилея киповская группа обязалась дать 20 распределений, дала 34, из них третью часть — Буравцов. И у Зенна двенадцать. Вдвоем больше половины — вот это ребята! Сейчас вы увидите Буравцова живыми!

Мы бросаем последний уважительный взгляд на портрет и идем смотреть «живого» Буравцова.

Несколько слов об атомной станции, где работают киповцы, их комсорг Анатолий Буравцов и другие ребята.

Она возникает из сосен сразу и, честно говоря, не производит особого впечатления. Даже немного разочаровывает. Ожидаешь увидеть нечто огромное, «атомное», а перед тобой невысокое белое здание.

Однако по мере приближения к атомной чувствуешь, что это здание не простое, а подходящую, ощущаешь невольный трепет. Ни большого шума, ни дыма, и не верится, что по толстым, низко провисшим, словно от невидимого снега, проводам бегут сотни тысяч киловатт электроэнергии. Нет грохота и лага железнодорожных составов — обычных спутников каждого крупного предприятия. Однако... Уже сейчас Новозороничская АЭС дала столько электричества, сколько не смогла дать вся царская Россия в 1913 году.

Труд на АЭС полностью механизирован и автоматизирован. Здесь каждый третий — инженер или техник.

Вечером особенно тихо вблизи атомной. Слышно, как недалеко в лесу поет соловей. На другом берегу тихо тина. Оттуда доносится запах морского пуга и дыма деревушки, помнящих еще Петра... Здесь лица к лицу встретились две тишины: тишина прошлого и тишина будущего.

На дверях табличка: «Вход на БЩУ»...

БЩУ — блочный щит управления. Или главный пульт управления. Или мозг атомной. Можно называть его как угодно, но смысл один: сюда следуют показания всех приборов. Несколько человек расхаживают по залу неподвижные макасы. Они то неподвижно застынут на месте, вглядываясь в приборы, то, повинуясь какому-нибудь сигналу, действуют клавишами управления, то собираются кучками и что-то обсуждают. А вокруг — разноцветные сигнальные огни. Неподвижен только один прибор, самый большой: квадрат с массивной стрелкой. Стрелка уткнулась носом в «ноль». Даже нам, не посвященным в тайны КИПА, ясно, что этот прибор показывает мощность блока.

Сейчас мощность равна нулю. Блок во власти киповцев...

— Буравцов! Только что был...

Несколько слов киповцев о своем комсорге в его отсутствие.

Павел Иванович Казаченко, начальник цеха: — Почему ребята избрали именно его? Знает свое дело. Пользуется уважением в цехе. Ну, а самое главное — отзывчивый, простой. Людям это нравится. У него есть хорошая черта: с кем бы он ни разговаривал, он разговаривает как с равным. Конечно, это действует. Случится, блок остановлен — надо поработать дополнительно. Говорю Буравцову: поговори с ребятами. Поговорит. Явлются все как один.

Служба КИПА держит совет.

ВАЛЕРИЙ МИХАЙЛОВИЧ УШАКОВ, старший инженер группы автоматки, член комитета ВЛКСМ атомной станции:

— Почему его? Потому что, во-первых, грамотный инженер, очень эрудирован. Стремится работать по-совому, если так можно выразиться, имеет собственный почерк, а это всегда вызывает у людей уважение. Хорошо понимает рабочего. Может быть, потому что сам был рабочим, в детстве слепил много тяжелого. Мне лично с ним легко работать. Если надо, то надо. Дебатов никогда нет. Что еще хорошо: не держит при себе свои знания, всегда расскажет, объяснит. Например, по своей инициативе начал читать лекции по основам электроники...

ВЛАДИМИР СТАРОСТИН, слесарь-приборщик:

— Почему я голосовал за него? Потому что всегда входит в положение. Если когда кому что надо, никогда не откажет — отпустит с работы, а твою долю сделает сам. Или вот, например, у од-

ного из наших родился ребенок. Организовал подарок. Мелочь! Внимание — такая «мелочь», которая не забывается. Справедливо, прям. Не боится никому сказать в глаза правду. Был у нас не так давно случай... Так горой встал и добился все-таки справедливости. Стараются, чтобы мы больше соображали, каждый день ведет технику. Если что неясно, всегда найдет время, объяснит.

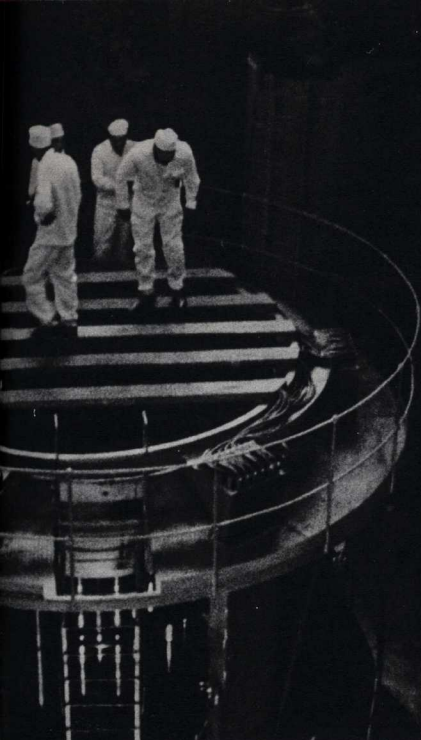
А вообще-то на нем пол-автоматки держится.

АЛЕКСАНДР САФОНОВ, начальник штаба «Комсомольского прожектора» атомной станции:

— Как вам сказать... Кипов выделяется вы. Все время занят, все время что-то делает. В нем чувствуется целенаправленность. А вообще-то это трудно передать, но на него посмотреть и сказать: «Это не просто комсомолец, это секретарь». Может быть, я сказал слишком громко, но это действительно так.

Ленца комсорга по электронике.

ВИКТОР ЗЕНИН, электрослесарь-приборщик:

— Говослав за него потому, что требовательный. У нас как-то был сдвиг в комсомольской работе в силу ряда причин... Второй блок готовили к пуску, то, се... Собрали на собрании, договорились всем. Решили поднять роль организации, заняться как следует спортом, шефской работой. Дисциплину подтянули. Был у нас неприятный случай: один комсомолец затеял драку. Так его проработали на собрании с такой силой, что сразу совсем другим человеком стал.

Детей любит. Не только своих, вообще. Мы шестуем над шестым классом школы-интерната. Многие там без отцов, без матерей. Там Буравцов предложил создать массу помощи. С полочки собираем понемному ребятам. Подарили дарин, купили билеты в ТЮЗ...

АНАТОЛИЙ ЮСУПОВ, электрослесарь-приборщик:

— За настойчивость, требовательность. Когда была наладка второго блока, требовал отличного качества, лично за каждым проверял.

ЮЛИЯ ЛАЗУКИНА, машинистка:

— Многое знает. Спорт, литература, техника. С ним интересно.

— Ага, попался!

Волода сватил показавшегося в дверях человека и потащил его и яма.

— Знакомьтесь, Буравцов!

Буравцов! В первый момент мы его не узнали. Во все не средних лет, а совсем молодой парень. Ни черного галстука, ни выскомерного вида, ни хищного взгляда. Наоборот, открытое, симпатичное лицо скромного, но знающего себе цену человека. Ворот рубашки расстегнут... Вот что можно сделать с человеком фотопарлат! Необъяснимыми законами человеческой психики. Теперь уже не верится, что на Буравцова держится пол-автомашины, теперь хочется, чтобы он был кизурим и чуть-чуть недоступным. Впрочем, это чувство проходит быстро, как только Анатолия заговорили...

НЕСКОЛЬКО СЛОВ КОМСОРГА АНАТОЛИЯ БУРАВЦОВА О СВОИХ КИПОВЦАХ, О СВОЕЙ РАБОТЕ И О СЕБЕ САМОМ.

— Да, детство было тяжелое. Но, наверное, не только у одного меня. Времья было после войны такое... В селе наждав пара рук на вес золота ценилась... Да и потом, когда в техникуме учился, в институте... На каникулах всегда работал. Почему пошел именно сюда? Родина... Деревнюю моя почти рядом. Сначала, конечно, трудно было: профиль у меня несколько другой. Начиннал с азота.

Комсомольской работой занимаюсь, еще с техникума... Что это дает? Много. Узнаешь лучше людей, приятно чувствовать, как на твоих глазах постепенно начинает вырисовываться коллектив. Когда мы с новым бюро приступали к работе, честно говоря, коллектив был очень слабый. Взять

Каждый прибор требует внимания.

хотя бы такой факт. Даже на отчетно-выборное собрание не являлась почти третья часть комсомольцев. Решили начать с этого. После собрания поговорили с каждым. Все были удивлены: раньше такие случаи сходили с рук. Мы решили разбить успех и не оставлять без внимания ни один случай нарушения комсомольской дисциплины... Вам уже, наверно, рассказывали: у нас неприятный случай был — один комсомолец подрался. Раньше бы наказали — да и все, а сейчас мы над ним настоящее шефство взяли. И парень почувствовал, что не только себе плохо сделал, но и всем нам. Больше таких случаев у нас не было.

Ну, а потом решили наладить настоящую самостоятельность. Я глубоко убежден: никто так не сплочивает коллектив, как самостоятельность, потому что работа работой, а тут и вечерами вместе — шутки, песни, музыка. Беседовали с каждым. Никто даже и не подозревал, сколько в нашем цехе талантов. И вот результат — первое место на фестивале. А в конечном итоге я работаю, потому что, когда все понимаю друг друга без слов, дело идет намного лучше. К примеру, сегодня... Никто никого не уговаривал, не проводил собрания, а просто решили: не удаем, пока все не сделаем. Вот что значит коллектив. Да и вообще... Все легче получается. И рационализация, и спорт, и если помощь кому нужна... Ленинский зачет был. Работы Ленина изучил, чтобы до сердца дошли, дело не простое. Занимались вместе... — Толя, скажите, какими вы считаете самые главные качества у комсорга?

Буравцов минуту думает, потом отвечает неторопливо, и видно, что это его глубокое убеждение:

— Во-первых, личный пример. Во-вторых, умение спросить. И, в-третьих, уметь подойти к людям. Последнее, пожалуй, самое главное. Надо знать характер каждого человека: ведь на одного действует доброе слово, на другого личный пример, а на третьего, может быть, надо и голос повысить. Извините...

Анатолий быстро идет к какому-то прибору.

— К понедельнику надо все закончить. Вы лучше приходите, когда пустим блок.

— Успеете?

— Надо успеть...

Анатолий, извиняясь, жмет нам руки и уходит к своим приборам, где его ожидают товарищи. Мигают лампочки, мечутся стрелки, и только неподвижна одна. Самая главная, самая большая. Она идет своего часа. В понедельник она должна показать триста шестьдесят пять мегаватт...

Несколько минут размышлений после встреч с киповцами и их комсоргом Анатолием Буравцовым.

Это известно давно. Можно прочитать тома о проделанной работе, просмотреть десятки графиков и диаграмм и не составить должного представления о том, что хотел узнать. А можно наклониться на один-единственный факт, и в нем, как в капле воды, отразится все...

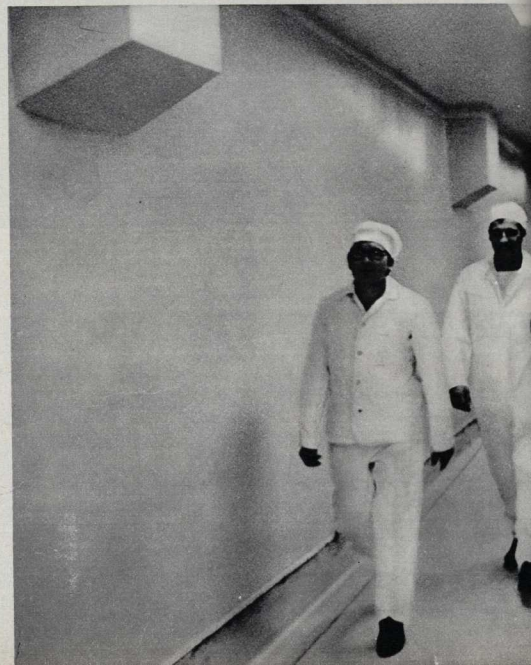
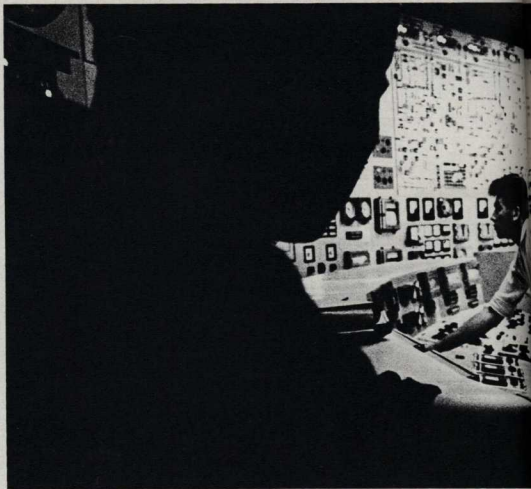
Этот факт — остановка блока на профилактический осмотр. Для киповцев это всегда экзамен. Экзамен не только на мастерство, но и на дружбу, сплоченность, поиск, смекалку...

С виду все очень просто. Блок атомной станции остановился на профилактический ремонт. К концу дня здание пустеет... Завтра выходные. И только люди из цеха со странным названием КИТА остались на своих местах. Потому что надо успеть проверить все системы и в понедельник блок должен дать мощность.

И они, конечно, успеют, потому что знают свое дело, потому что верят в себя, в свой коллектив.

А пока стрелка стоит на нуле. И приходит на ум неожиданное сравнение. Здесь, на берегу старинной русской реки, прославившейся в основном кровавыми сражениями, все начиналось с нуля. Двенадцать лет назад здесь не было ни атомной, ни города, ни этих ребят, которые тогда пасли коз, бегали в школу, играли в «ножичка» и не подозревали, что скоро они будут управлять ядерным процессом... Не подозревал и худенький паренек Толя Буравцов, живущий в ничем не примечательной деревушке Новая Аленовка, каких сотни и сотни на русской земле, что совсем скоро станет всеми уважаемым человеком и что на нем, как выражаются его товарищи, будет держаться пол-автоматик атомной станции, построенной рядом с его Аленовкой...

...В понедельник дрогнула самая большая стрелка и поползла вверх. Через некоторое время она остановилась на цифре «365». Второй блок дал электроэнергию. Но за стрелкой был еще большой запас циферблата... Так же, как у этих ребят, вся жизнь которых, по сути дела, только что началась...

Блочный пульт управления. Проверка аппаратуры.

Работа завершена.

«Набат Хатыни».

№ 5, 1970 г.

Фотоочерк «Набат Хатыни» пробудил во мне тяжкие воспоминания. Я участвовал в освобождении Хатыни от фашистов в 1944 году. Был сапером 116-го саперного батальона 1-го Белорусского фронта. Мне пришлось увидеть все эти ужасы, увидеть, как наши тыловые войска хоронили останки сгоревших трупо; у меня и сейчас мороз по коже проходит и слезы закипают на глазах. Командование говорило нам, что здесь остались в живых один человек, и вот теперь на фотографии я вижу этого старика и памятник, поставленный ему. Я помню, как мы вступали в эту деревню: все подходы, все дороги в этих болотистых местах были заминированы. Местами дороги были взорваны фугасами. Нам, саперам, пришлось разминировать заложенные танковые трехъярусные мины в труднопроходимых местах. Освобождение Хатыни досталось нам тяжело. И я помню, что именно возле Хатыни, на окраине сожженной деревни, мы разучивали строем «Гимн Советского Союза».

Старшина, снятый с военного учета
Г. ЧИСТЯКОВ,
г. Львов

Прочитал статью «Набат Хатыни» — очень нужная статья. Нашей молодежи следует чаще напоминать о тех невероятных трудностях, о тех жертвах, которые мы перенесли в час смертельной схватки с фашизмом. Это предостережение тем, кто начинает думать, что пора забыть прошлое и жить проще, легче.

Правильно, что на месте гибели Хатыни создан памятник жертвам фашизма, но в то же время там же, в Белоруссии, в Хойникском районе, Гомельской области я знаю другую, свою деревню Алексичи, которая в августе 1942 года была таким же образом уничтожена. В этой деревне, насчитывающей более 140 дворов, не уцелело ни одного дома, были сожжены 152 жителя, осталось лишь несколько человек, которые в это время были на сенокосе. Остался в живых и мой друг детства — Бондарчук Иван Маркович. (Я с родителями был эвакуирован в Тамбовскую область.) Иван остался в живых благодаря своей находчивости и смелости.

Иногда (в 2—3 года раз) я бываю там в отпуске; приходится разговаривать с одесситами. Сколько там интересных событий было, сколько безымянных героев живет!

Мне думается, что для писателей там очень много материала.

Не удивляйтесь тому, что пишу издалека. Я военнослужащий и временно проживаю здесь.

К. КОСОБУЦКИЙ,
Магаданская обл.

Ред. Фотоочерк В. Бианки «Набат Хатыни» получил живой читательский отклик. Мемориальный комплекс «Хатынь», как истинное произведение искусства, действительно не оставляет равнодушным ни одного зрителя. Создателем комплекса архитектором Градову Ю. М., Занковичу В. П., Левану Л. М. и скульптору Сельханову С. А. присуждена Ленинская премия.

Мы связались по телефону с Хойникским райкомом партии Гомельской области, чтобы узнать о сегодняшней судьбе деревни Алексичи. Нам рассказали, что сейчас это большая благоустроенная деревня, с новыми, добротными домами, в ней 103 двора, 387 жителей.

СМЕНА И КОМПЛЕКС

Рисунок Александры ПРОКОВЬЕВА

— Настоящий охотник тайгу не забудет, — возразил Юрка, — ума не пропадет.

— Все равно запретила бы! — не унималась Тоня.
— Ну, это ты мужу своему потом запретишь, — ухмылялся Юрка.
— А я замуж не собираюсь, — отозвалась Тоня. — Надо мне — тратить нервы на твоих вот...
— Смотрю-ка ты! — Юрка остановился даже. Какая персона! Легко хочет жить!

Тоня останавливалась тоже, чтобы ответить, усмехнувшись... Но в этот момент собака бросилась под куст станика. С той стороны, куда подскочила лайка, нетки были обрызганы хрупкой снежной багровою. Куржак ослепал от прозвонительного лая собак.

«Ав-ва-а-а!»
Юрка вскинул ружье на осматривающийся куст и пошел к берлогу. Но не успел он сделать и трех шагов, как лайка отскочила от куста. Тяжелый рык раздался из-под земли. Куржак поспылся со всех веток, окутывая куст снежной пылью. И не осел еще блестя, как выметнулся медведь. Словно неведомая сила вдруг вывернула чудовище из-под земли.

Юрка выстрела в медведя. Стелла, чтобы «невеста» не опередила. Жакан срубил ветку станика и чмокнула дальше в ствол ластовенницы.

— Куда торопишься? — донесся сзади голос Тони. — Не свататься пришел! Юрка оглянулся: не видит ли порою его старика? Их еще не было. А Тоня перебирала в ладони тазовые усиленные патрочки. Ручавчики из лосиной шкуры болтались на красивых шпурках. Тони никак не могла зацепить патрочник поспешившими пальцами. И Юрка успокоился: еще не было случая, чтобы он маза даял. Он, не торопясь, стал цементировать медведю в сердце.

Зверь отменял от себя собак. Он встал на задние лапы шагах в семи от Юрка. Обе лапы вонзали кланки в мочуши медвежий зад. Медведь крутинулся, и Капитан с визгом отлетел под кусты. А Тайгу медведь поволок за собой. Зверь раздвинул свои лапы, словно шло обняться с охотником.
Юрка легонько нажал липкий от мороза крочок.

Щаки!
Медвежья морда! Зверья глазки. Снегом припрушена лобастая голова. Нос мокрый. Кланки!

Юрка погитился. «Тут была коряжина» — вспомнил он. — Баншка дурья, паяна! Забыл по пути второй ствол зарыть!» Он ушап под корягу, сжался в комок, во патрон выдущивал в кармане. Темная туша выросла над ним. Юрка заржа гласа, ожидая страшного удара лапой.
Но медведь рывнулся и осел перед корягой. Он вытянулся в снегу, погреб лапами, завер.

Юрка наконец зарыла ружье, зачем-то прицелился в мертвого зверя.

— Собаку мою не убей, — сказала Тоня и переадресовала затор тазовки.
Из патрочника вылетела пальочка с дымяком, свернула бронзовым боком и утонула в снегу. Юрка запомнил, где она ушла. Он поднялся, упрямился в коряшине.

Вот и чуть не сосватал себе бабушку, — Юрка еле разлепил губы, чтобы умянуться.
— Что ты спешчишь? — спросила Тоня, сбивая свою шапку на затылок.
Юрка покосился взглядом на неподвижного Капитана, возле которого краснела снег.

— Такая собака была, — проговорил он. — Другую такую во всей тайге не сыскать.

На последние Юркины слова вышел старик. Он сел на корягу, достал кистети, трубки и начал изучать по следам, как тут дело было.

— Неадово получилось, — завладела Федоров. — Медведь-то хороший, да собаку жалко... Как теперь окотится Юрка будет, однако!

— Может, ядовое они съедатся с Тоней, — предложила отец, по-якутски шкура глаза. — Тайга у вас и зверовая и соболантица! Капитана пока заменит...

— Не сладкая — вот беда, — заметил Федоров. — Дорога была длинная, почему не сладкая!

— Может, еще сдуржались? — пыхнул дымком, сказала отец.

— Она вообще против нашего брата, — сообщила Юрка. — Замуж даже не собираются.

— За хорошего охотника, однако, пойдет, — заметил Федоров.

— Где он теперь, хороший охотник? — спросила Тоня. — Возле сельцо все толкутся да возле чайной.

— А мой Юрка, — спросила отец, — охотник плохой разве!

— Пить меньше надо, — ответила Тоня и заправила под шапку клочок вола, припронесших ко Абу. — А то скоро окотится вполне самою ничнет.

— Не так уж я и пью, — пробасил Юрка и повернулся к отцу за подтверждением. — Это у меня сейчас такая полоска... Отказался...

— Еслб б хозяйка была в дому, совсем бы, может, в рот не брала, — говорила отец. — Пошла бы ты к нам, Тони, хозяйкой, а?

— Это в каком же смысле! — спросила Тоня с улыбкой.

— Лучше жены для Юрки не найти, — сказала отец. — Сватать приехали мы тебя, в самом деле.

— Сватать? — спросила Тоня и засмеялась. — Сватать, ха-ха-ха!

— Что тут смешного? — спросил Юрка. — Дело вполне серьезное.

— А вы зыбали, что для этого надо? — сказала Тоня.

— Что тут надо, — забормотал Юрка, — руки, ноги, голова — все есть...

— Дом, три десятка оленей, сбержинка, — добила отец, — нуждаться не будете.

Тони несмешливо окинула гостей быстрыми глазами, отогнала Тайгу, вновь подступившую к медведю, и объяснила:

— Про любовь вы что-нибудь слышали?

— Про любовь? — ошенила отец. — Ну, это, однако, не по моей части...

Федоров в сердцах стукнул трубой по коряжине.

— Это все Мотыла! — сказал он. — Книжечка носит из своей библиотеки! Глаза Тоньке портит, ум испортит!

— Мы тоже читаем кое-что, — заявила тут Юрка. — И очень даже часто бывает любовь с первого взгляда...

— Может, еще злотый? — начала Тоня, но не дожидаясь, нахмурилась и сказала: — А надо, говорить после будем, кто что читал... А шкура застынет — потом не слышно и топором. Снимайте, я пошла за упряжкой...

Юрка шагнула за нею. Но Федоров протянул руку, похожую на корень с двумя отростками.

— Дай देжке одуматься! — сказал он. — Проняла ты ес, однако, этим первым взглядом... Придет — давай второй, третий, тышу давай, как устоять тогда девке?

— Еха-а-а! — вздохнул отец и влезся за нож. — Раньше проще было... Без этих взглядов.

Юрка смотрел всмат Тоня, пока они не скрывались в березовом островке, похожем на стадо белых оленей. Потом нашла на снегу то место, куда запала пальочка. Опустился на колени и подала сг ладовыю. Глаза свернула на ладошке, как золотой самородок. Юрка слез снег, наивший к ней, и спрятал ладошке в карман на груди.

— У меня не заржавеет, — сказал он. — Второй и третий будет, и тыша теперь будет!.

«СОЮЗ-9»

13 рабочих дней

Андряна Николаева
и Виталия Севастьянова
на орбите.

Восемнадцать жарких июньских дней человечество с вниманием следило за полетом в космос двух отважных сынов Советской страны — Андряна Николаева и Виталия Севастьянова на корабле «Союз-9».

Каждое сообщение из космоса, каждый репортаж по телеэкранам с орбиты — волнующий документ истории, свидетельствующий о победе труда и разума, о торжестве советского человека.

Иди по горячим следам событий, мы глубже, чем в этом номере не расскажем о полете от старта до финиша, а научно-популярный очерк о тех перспективах, которые открывает перед космонавтикой этот дательный рейс, вошедший в золотой список странствий в летовые штурмы человеческого глупости космического океана.

Ведь путь в бескрайние просторы Вселенной вывернется не только расстоянием, но и временем нахождения в космосе.

Помните строки из первого сообщения ТАСС: «Экипажу корабля «Союз-9» предстоит выполнить в условиях одиночного орбитального полета большую программу научно-технологических исследований и экспериментов, основными из которых являются:

— медико-биологические исследования по изучению влияния факторов космического полета на организм человека в условиях пребывания на орбитальной орбите;

— научные наблюдения и фотографирование географических объектов, материковой и водной поверхности и различных районов земного шара с целью отработки методики использования получаемых данных в народном хозяйстве;

— наблюдения, исследование и фотографирование атмосферных образований, снежного и ледового покровов Земли с целью использования данных наблюдений в оперативном и долгосрочном метеорологическом прогнозировании;

— научные исследования физических характеристик, явлений и процессов в околоземном космическом пространстве.»

Сегодня мы видим: полет успешно завершён, задание экипажа выполнено.

Спутник № 1...

Полет Лайки...

Старт Юрия Гагарина...

Многоместный «Восход»...

Выход в открытый космос

Алексея Леонова...

22-суточный рейс биологического «Космоса-110»...

Маневр, встреча и стыковка на орбите...

Первая экспериментальная космическая станция...

Технологические эксперименты в совместном полете трех пилотируемых «Союзов»...

К. Э. ЦОЛКОВСКИЙ:

Мы можем достигнуть завоевания Солнечной системы очень доступной тактикой. Решим сначала легчайшую задачу: устроним фирменные поселения поблизости Земли, а качестве ее спутников...

Академик С. П. КОРОЛЕВ:

Было бы невыгодным для решения той или иной практической задачи во всех случаях выводить на орбиту с помощью ракет каждый рядовой спутник... Видимо, в космосе должна быть осуществлена хорошо продуманная система космических орбитальных сооружений. И вместо в виду спутники, станции, другие аппараты, если существующие на орбитах вокруг Земли...

Нет сомнения в том, что не за горами время, когда экипажи мощных космических кораблей оседаю во много десятков тонн, оснащенные всевозможной научной аппаратурой, покинут Землю и подобно аэрокатам, отправятся в дальний путь... к Марсу, Венере и другим планетам.

Академик М. В. КЕЛДЫШ:

Сейчас становится ясным, что создание на околоземных орбитах постоянно действующих орбитальных станций — это важный этап дальнейшего развития космонавтики, ее новое направление.

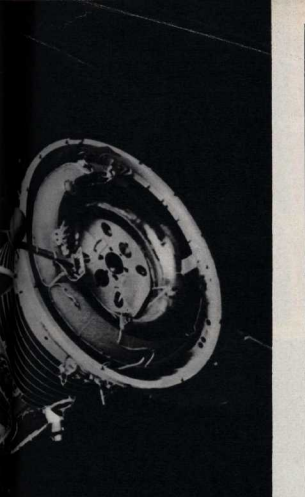
КОСМИЧЕСКИМ ПУТЯМ

Восемьдесят лет отделяли полет Юрия Гагарина от первых взлетов калужского учителя, страстно мечтавшего о покорении космоса и создании «фирменных поселений». Восемьдесят лет!

Но в эти восемьдесят вошло почти полвека существования Советской страны. Они стали эпохой, поворотным пунктом на орбите движения человечества к грядущему. За эти годы Цолковским и его последователями было многое переделано и выстрадано, рассчитано и сделано.

Человек совершил только первые шаги в познании тайн Вселенной. Необходимость дальнейшего проникновения в космос диктуется законами диалектики: люди Земли должны углубить свои знания о строении вещества, законах развития мироздания, природе тяготения, эволюции живой материи. Освоение космоса дает нам сведения, необходимые для решения многих задач на Земле.

И как сейчас на льдинах Северного Ледовитого океана или в заснеженных пустынях Антарктиды мы устраиваем исследовательские станции, так через какое-то количество лет люди будут поселять космические экспедиции на орбитальные острова, разбросанные в океане Вселенной. Ведь только непосредственная активная творческая деятельность человека в космосе, его гибкая приспос...

Михаил РЕБРОВ,
инженер

ходят. нас защищает атмосфера нашей планеты. В наземных лабораториях мы имеем дело не с «оригиналом», а в основном с «вторичным», ослабленным излучением.

Иное дело в космосе. Здесь природа не дарует нам условия глобального вакуума, такой невозможно получить ни в одной земной лаборатории: густая плазменная материя с «выжороченными» в нее магнитными и электрическими полями, потоки корпускулярного солнечного излучения, метеориты и астероиды. Только в космосе мы можем наблюдать в течение длительного времени движение квантов света, возраст которых исчисляется сотней миллиардов лет. На Земле же жизнь кванта составляет всего доли секунды.

— Зачем это все нужно? — вправе спросит читатель. — Теория получает множество интересных и уникальных данных, а практика?

Ответим. Создание постоянно действующих лабораторий в космосе позволило не только значительно углубить наши знания об известных в настоящее время законах и явлениях, но дает возможность открыть новые закономерности и определить их место в общей картине строения и эволюции Вселенной.

Изучение «новодов» космоса позволяет ученым прогнозировать солнечные процессы. Практически всеобщим таковым процессом стоит в том, что с проявлением «характера» Солнца ученые связывают магнитные бури, изменения погоды и даже стихийные бедствия. О том, как можно предвидеть такие грозные явления природы, много распространяться не приходится.

Мы говорим о щедрости Солнца, которое ежегодно шлет нам 40 триллионов килокалорий тепла. И почти большая часть этой энергии рассеивается и поглощается атмосферой, значительная часть ее доходит до поверхности планеты. Чтобы представить себе, сколь велика эта доля, достаточно вспомнить такие цифры: для образования лишь нескольких кубических облоков за 3—4 часа требуются десятки миллионов киловатт-часов энергии. Это примерно столько же, сколько вырабатывают несколько таких электростанций, как Вратская ГЭС.

Но Солнце и коварно. Сопоставление ряда наблюдений давно привело к выводу, что оно не трясет ни Солнце Землю, как ребенок погремушку? Его буйства влияют на электромагнитное поле вокруг Земли и вызывают не только, но прежде всего изменения скорости движения нашей планеты. И хотя время таких толчков исчисляется тысячами долями секунды, этого вполне достаточно, чтобы нарушить динамическое равновесие в атмосфере и создать условия для землетрясений и интенсивной вулканической деятельности.

И еще. Ученые заметили, что в годы наибольшей активности нашего светила учащаются приступы сердечно-сосудистых, легочных и нервно-психических заболеваний. 14 июля 1959 года наблюдателями всего мира была зарегистрирована самая яркая за последние время вспышка на Солнце. Через некоторое время на всем земном шаре была нарушена радиосвязь на коротких волнах. Особенно пострадали полярные области, где радиосвязь была восстановлена только через десять дней.

Доводом в пользу создания орбитальных станций является и то, что в космосе мы сможем осуществлять процессы выращивания в земных условиях, например, выращивание кристаллов и удаление из них примесей, изготовление новых материалов, которые невозможно создать только в биологической среде. Из силы гравитации мешают получить такую структуру.

В истории человеческой цивилизации астрономия всегда оказывала большое влияние, особенно на развитие мировоззрения, но и удовлетворяла ряд практических нужд людей — в навигации, в службе точного времени и т. Д. Но как и в биологии, атмосфера планеты очень мешает астроному в их наблюдениях. Орбитальные станции сулят астрономической науке новые перспективы. Ученые смогут изучать Вселенную в диапазоне спектра электромагнитного излучения, включая инфракрасное, рентгеновое, высокоэнергетическое и гамма-излучения, которые не поддаются изучению в атмосфере Земли.

В существующих конструкциях телескопов диаметр зеркала не превышает пяти метров, а допускаемый прогиб зеркала под тяжестью конструкции составляет сотые доли

миллиметра. Орбитальные космические станции смогут быть оснащены такими приборами и устройствами, размеры которых создадут сегодня лобото инженер. Приборы — спутники, датчики, антенны — не смогут собрать и монтировать, царство несомненно!

Сейчас астрономы стараются найти объяснение огромной интенсивности излучения звезд, которое по своим параметрам превышает все известное ранее. Наблюдения непосредственно из космоса дадут ключ к пониманию загадки веса. Напомним, что попытка объяснить их интенсивность в течение миллиардов лет излучение Солнца не только привела к открытию новой области знания и практической деятельности — атомной энергетике.

Глубоко в земле, за толщей многих слоев, спрятала природа свои бесценные сокровища. Не найти их простым глазом. Но человек перешагнул природу. Он научился слышать шепотливое «да» природы. Земля не умеет прятать и скрывать клады, но добывается до них руками. Более того, он делает это с огромными расстояниями, из космоса. Геологические поиски на орбитальных станциях, аппараты, которые будут содействовать поиску новых месторождений полезных ископаемых, решению проблемы питьевой воды, пищи, энергии, чистоты окружающей среды, дадут нам ответ в виду постоянного роста народонаселения нашей планеты.

Метеорологические службы, работающие на борту орбитальных станций, позволят вести глобальные наблюдения за атмосферой планеты. Анализируя полученные данные о составе, строении и энергетическом балансе атмосферы, можно будет уяснить взаимосвязь метеорологических процессов с другими явлениями в атмосфере, Солнца и земной поверхности.

Эксперименты по крупномасштабному наблюдению, разработке глобальной модели погоды, обеспечат достояние будущих прогнозов, а в более отдаленном будущем дадут ключ к изменению погоды и управлению климатом. Сколь важна эта проблема для Земли, говорит такая цифра. Показатель пример, энергия ураганных циклонов. Она чрезвычайна велика. Даже ураган средней силы за день выделяет энергию 6—10¹⁰ эрг в виде тепла. Этой энергии, как правило, недостаточно для снабжения электричеством в течение получаса такой большой страны, как США. За один лишь день сильный ураган расходует энергию равную энергии взрыва 15 тысяч метатонных ядерных бомб. Огромная величина!

Автоматические лаборатории, искусственные спутники для наблюдений Земли уже позволяют получать огромные объемы информации об окружающих нас процессах и явлениях. Очень важно дополнить эти данные наблюдениями самих космонавтов-исследователей. Ведь это позволит повысить точность и качество информации, получаемой от беспилотных космических спутательных аппаратов. Каждая орбитальная станция сможет заменить десятки, а то и сотни автоматических искусственных спутников.

Наблюдения непосредственно из космоса позволяют решить множество научно-козмических проблем. Результаты этих наблюдений помогут работам и земледельцам, карьерам и лесозащитникам, врачам, занимающимся вопросами эрозии почв, лесовым и метеорологам, энергетикам и химикам, диспетчерам и пилотам трансориентальных авиалиний, водителям и водителям судов. В «эфирных поселенцах» разместятся самые различные лаборатории, в которых ученые, инженеры, техники, лаборанты будут вести наблюдения и измерения, анализировать полученные данные, регулировать и ремонтировать оборудование и приборы.

И, наконец, на космических заводах, создаваемых на орбитальных орбитах, будут создаваться корабли для полетов к планетам Солнечной системы, орбитальные платформы будут служить им космодомом. Для старта с круговой орбиты кораблям потребуются скорости лишь порядка десятка километров в секунду.

Человеческий разум улюлюкает время, склад расстояния. То, что еще вчера казалось фантастикой, становится реальностью. И в далеком будущем, рождаясь новыми смыслами и свершениями. Нет сомнения, что XX век будет веком рождения всемирной обитаемой станции — рукотворной планеты.

способность к новой обстановке обеспечат наилучшее управление автоматикой. Присутствие человека позволяет учитывать индивидуальные характерные и важные факторы и явления на месте, сопоставить и проанализировать полученные результаты и в случае необходимости повторить эксперимент для изменения параметров.

Постоянно действующие орбитальные станции — будущее космонавтики.

Сегодня физики создают такие высокие давления, какие поддается только природе, и получают искусственные алмазы, достигают температур, близких к абсолютному нулю, опираются колоссальными мощностями электрическими и магнитными полями. Все чаще в своих лабораториях ученые моделируют процессы и искусственно создают условия, которые приближаются к космическим.

Но ведь для получения космоса на земле нужны огромные энергетические мощности, хитроумные и дорогостоящие приборы. И даже наличие таких мощностей и приборов нередко оказывается недостаточным для имитации тех или иных явлений природы. Только в космосе можно наблюдать и изучать элементарные частицы, движущиеся здесь со скоростями, в сотни и тысячи раз большими, чем те, которые получены на самых мощных ускорителях. До нас космические лучи не до-

Славная ночь для ловли кальмаров

Юрий РОСТ

Фото автора

Последние минуты у пирса. С наступлением темноты сейнеры уйдут в море.

Усталые, заспанные, очень сильные мужчины в грязных рыбацких непромокаемых штанах и изможенных рубашках с трудом отрывали бесконечные ящики от скользящих досок пирса и, расплескивая по дороге узкие полированные тела кальмаров, тащили свою ношу к транспортеру, который лениво полз на берег к рыбоконсервному заводу. Поставив ящик на резиновую ленту, они на секунду задерживались, смотрели, как на такой усталый и заплаканный, на такой сильный, как они, человек лениво и пренебрежительно бросил на их кальмаров пол-палаты льда, и, ни о чем постороннем не думая и разговаривая только по делу, шли за следующим ящиком.

За их спинами, на тяжелой тикоокавской волне, покачиваясь измотанный, как люди, грязный, как «кассинки», с правого рыбацкого сейнера со сказочным именем «Альбакор». По его черной, в потаках палубе, подтаскивая к пирсу новые ящики, ходили рыбаки.

Вся команда кальмаролова шаталась от усталости.

А капитан спал...

Завочная дело, люди с четверть часа курили, беззаботно подтрунивая друг над другом, улыбались, вспоминая о приятном, и, загасив каблукем окурок, ушли в океан. На работу.

След от винта таял в тумане. Растоярвался в Белой тьме Южно-Курильск. Исчезал Кунашир. Слово стало являть старая легенда, по которой остров — гигантский гриб, лишь тонкой ножкой упирающийся на огромной глубине в дно океана, — от вчерашнего шума пошатнулся, и ножка, не выдержав, разрушилась, а Кунашир — новая Атлантида — тихо, без всплеска ушел под воду.

Но ничто на «Альбакоре» не заметил исчезновения острова, все были заняты делом. Надо было достать и накрыть ящики.

Сейнер, роя носом воду, шел на север. В ледяной воде ворочались коричневые дельфины, по палубе, сбегавсь под тяжестью бдебод, скользили рыбаки...

А капитан спал...

А капитан спал и, верно, видел прекрасный сон, который досмотреть ему никогда не удавалось: «Вахта, капитан», — сказал вошедший в каюту.

Спустившийся, замерший «Альбакор», словно летучий голландец, сваливался с волны на волну и бежал по океану, навстречу рыбацкой своей удаче... И ни одного человека во видно было на палубе, и ни одного движения на корабле. Вся команда, разбредаясь по каютам, спала, не чуя каюки.

А капитан стоял у штурвала...

Звали капитана Василий Гусак, и был он, несмотря на молодость, одним из первых наших рыбаков, которые несколько лет назад вышли ловить кальмаров.

Теперь сейнер, на котором Гусак был тогда старпомом, пошел на гвоздя. Но в те времена он был не лучшим сейнером на Дальнем Востоке. Мы не умели ловить кальмара, не было ни сна-

стей, ни опыта. Соседи наши, японцы, «любезно» (за немалые, разумеется, деньги) продавая снасть, не только «забывали» объяснить, как ею пользоваться, но, по-видимому, желая пробудить творческую активность наших рыбаков, называли на леску крючки-поушки не через 40—70 сантиметров, как это необходимо для лова, а через 10—15. И возвращались тогда наши кальмароловы пустыми, а то и без снасти возвращались.

Встретившись в пути с осевшей от улова «кассаси», выходили рыбаки на пустую, гудящую свою палубу и до резки в глазах пытались рассмотреть, как снасти, которые продают нам японцы, отличаются от тех, которыми ловят сами.

Бывало, поднесет во время лова два дрейфующих судна друг к другу. Подойдут к бортам рыбаки поглядят, кто чем богат, и тогда кто-нибудь из шутников поднимет огромную, неуловимую деревянную ручную бдебоду, на изготовление которой ушел чуть не ящик гвоздей, и крикнет на шхуну: «Эй, давай меняться!» А на шхуну потянутся свои легкие металлические аппараты и вежливо так улыбаются: «Ну и дураки, — подмигивая своим рыбакам, — вам бы нашей бдебодой на всю зиму топить хватилось. Смеялись рыбаки, да не больно им было весело.

Но ничего, сделали мы свои бдебоды и стали таскать этими бдебодами по две, а то и по три снасти. И ввязаны те снасти, как надо.

«Альбакор» был уже седьмой час в пути. В 23 часа команда поужинала, и кок закрыл окошко раздачи. Была у этого кока привычка. Если улол скуден, готовил он кое-как и, вышивывая тарелки из камбуза, ворчал: «Ладно-ладно, корешки, как вы рыбки наловили, так вам будут пирожки. Если же шли с уловом, готовил вкусно и с добавкой».

В прошлую ночь «Альбакор» взял 180 центнеров кальмара при плане 20 и задержался в Южно-Курильске дольше обычного. На базу он пришел после «Друзей» (другого кальмаролова) и вынужден был ждать сначала разгрузки, потом пустых ящиков (которые, кстати, не хватало, поскольку конкурент взял себе побольше), и наконец, в шесть вечера выйти в океан. И вот уже время перешло за полночь, а сейнер все еще в пути в проливе Екаторина. А «Друзья» наворонка уже наполнила десяток — другой ящиков...

— «Альбакор» вызывает «Друзья»... «Альбакор» вызывает «Друзья»...
За иллюминатором ночь — черные волны, черные тучи. Неуютно за иллюминатором, одиноко. На весь мир только один пустой и расквашенный «Альбакор». Один на один с океаном.

А в рубке жизнь, раздвигаясь динамика радиотелефона: кого-то ищут, кого-то находят; кто-то спрашивает, кто-то отвечает; кому-то радостно, кому-то трудно; кем-то интересуются, кем-то

— Да так себе,— сучным голосом отвечает «Друза». Но, видимо, на «Друзе» перестарались, очень уж сучно у них получилось, и потому в рубке «Альбакора» раздается дружный смех.

— Артисты!... «Да так себе». Ну и дадут... Сейчас вот придем проверим... Небось ручку от рыбы не провернуть... Сколько нам идти еще!

— С полчас.

Все разошлось по своим местам. Капитан, влючив эхолот, стал к штурвалу, остальные, кроме мота и старшего, нарядившись в резиновые сапоги и непромокаемые оранжевые штаны и куртки с капюшонами, выстроились по левому борту, у своих лебедок.

По левому борту 12 лебедок. Не хитрый в общем механизм. Точь-в-точь колодезный ворот, только у ручки плечо поменьше и вместо одного тротка две или три длинных, метров по тридцать, лески с навязанными на них через интервалы три-

Пошел калмар. Теперь лебедки не остаются до утра.

Возвращение с промысла.

угрожают; о ком-то сплетничают, о ком-то шутят—и все это одновременно тысячько голосами. И нет больше мира безмолвия, есть мир, полный жизни. И океан не пустыня, а густонаселенный пригород берега...

В рубке чуть не половина команды. Время лова, а лова нет. Плотный ход. Брызги летят до самого мостика. Разговоры специальные, о калмарах, о гигантских глубинных, основном лакомстве кашалотов (пусты они их и едят—книсто пищевая резина), потом вспоминали, как на рыбоконсервном заводе кому-то досталась экспортная банка «Калмары по-калифорнийски» и как ее берегли к случаю. А позже, вскрыв и обнаружив, что это обычный необработанный калмар, прервано закуски капелутой, заправленной луком и постным маслом. Потом перешли к предстоящему лоту. Поговорили о том, что «осенний» калмар хоть и больше «летнего», все же экземпляр по 700—800 граммов теперь попадаются не часто. Вспомнили технику и то, что хорошо бы иметь лебедки не с ручным, а с механическим или электрическим приводом, но согласился, что годятся они, когда лов их то се, а уж если калмар пошел, отключай все и отдавай вруплоушную...

— «Альбакор», я «Друза», слушаю вас!

— «Друза», «Друза», я «Альбакор», где вы!

— У Докучаева.

— Как калмар!

даться специальными бласнами. Красные, оранжевые, желтые, белые, буро-зеленые, веретенообразные, пластмассовые «мундштук» с палец величиной опоясаны двумя рядами остриших, гладких, без ушка крючков, загнутых вверх. На конце лески груз. Как только найдем коски, рыбаки начинают раскручивать лебедки и, едва последний мундштук скроется в воде, вытаскивают снасть. Иногда, если коски плотный, снасть не успевают утонуть. На один мундштук с крючками цепляются по три калмара сразу. Если леска не выдерживает и обрывается, она не уходит на дно, потому что связана у грузу с другой того же барабана. Обрываясь, снасть преворачивает под водой крючки жалом вниз, и калмар сходит, разгрякая лесу, сохраняя снасть...

«Альбакор» подходил к мысу Докучаева. Море светилось. Десятки, сотни судов, увешанных осветительными на фоне черного неба гирляндами ламп, выстроились над косками, словно корабли на праздничной Неве.

Василий Гусак вел сейнер осторожно, крадучись, ежесекундно поглядывая на эхолот. На носу и на корме, вдоль борта застыли ловцы. Протинные от мыты над банком и котом воисо светят штук двадцать полунюловных ламп. Они бросают свет на воду, привлекая калмаров, и калмар подходит, а в вени борта его ждут такие красавцы, такие манящие, красивые, желтые, белые мундштук

с крючьями. Но пока снасти опускать не пора. Гусак, почти не отрываясь, смотрит на эхолот и, по-вынув калмаром незаметным для стороннего глаза штриком, бешено вертит штурвал: Наконец в бумажной ленте эхолота появляется затенение: носки над килем!

Основной двигатель выключен, работает только «вспомогатель» для света. Судно ложится в дрейф таким образом, чтобы снасти не затонуло течением под борт. Капитан выходит из рубки и кричит: «Попробуй!»

Тральмейстер, не торопясь, разматывает снасть и, помедлив несколько секунд, начинает быстро вращать барабан. Снасть натянулась, как струна. Ест!

Маленькие ракеты, пуская великолепные фонтаны, падают в эшки. На борту они продолжают раздуваться, набирая воздуха, потом резко выдыхают его, но палуба не океан, и реактивная сила, позволяющая этим миниатюрным красавцам развивать огромную скорость, здесь двигает их лишь на несколько сантиметров.

Первая добыча послужила стартовым сигналом. Две дюжины снастей опустились в океан, вдоль борта. В свете прожекторов засверкали фонтаны. В мгновение рыбки стали мокрыми. Черные, поч-

ти не отмыкающиеся чернила! калмаров летели в лотки, залепали глаза, рот, нос. Темные потоки потеки по левому борту. Семиметровые «выстрелы» доставали до рубки, до надстройки и без того уже грязного с эгого, калмары, борта «Альбакора». Палуба стала скользкой. Уже наполнились первые эшки, уже первые пойманные калмары стали терять цвет, а люди работали, не останавливаясь ни на секунду.

Все устали. Уме пот, смешанный с чернилами, катился тонкими струйками по взможденным лицам. Но люди работали не сбавляя темпа, хоть ладони и мышцы, одереветнев, потеряв эластичность, стали словно булыжники. Ночная пьла расцвечивалась в усталых глазах плывущими красными, синими кругами, когда в рубке, прорываясь сквозь эфирный голод, раздался трескучий и неестественный голос:

— «Друза» вызывает «Альбакор». «Альбакор», ответьте мне, я «Друза».

— Я «Альбакор», слушаю «Друзу».

— Ну, как там у вас? Есть калмар!

— Да не очевид... Мало что-то и мелкий какой-то,— сучным голосом сказал капитан Гусак, глядя на непрерывные фонтаны вдоль борта.

Слишком сучным голосом сказал капитан. Перестарались. Потому что было слышно, как на «Друзе» дружно расхохотались.

А капитан ухмыльнулся незаметно своим хит-

рости и посмотрел на эхолот. Жирная плотная линия танулась по бумаге. Коска под килем. Порядок.

И вдруг все исчезло. Все словно вырубил какой-то невидимый рубильник. Эхолот пискал коска, а калмар исчез.

— Акула!

Метровая тень метнулась вдоль борта. Перерыв. Люди вытаскивали снасти. Собрался в кучу у надстройки и зефирник. Они курили и смотрели на огни, расцветившие океан, на другие сейнеры, где вдоль борта мелились фонтаны, крутились барабаны лебедок и куда не дошла еще небольшая акула. И вдруг из шережки иллюминированных люков, словно на крыльях, сотканых из света, вылетел корабль. Вода была под ним голубая и светилась удивительно нежно, и в темноте ночи казалось, что корабль тот не плывет, а летит. И был тот сайролов так красив, что все, словно замороженные, пошли за ним взглядом в открытую океанской моря.

— Акула! Акула! — заорали с кормы.

Запутавшийся в снастях катран извлекся на палубе. Попался, голубушка!

Снасти вновь пошли под воду, и снова запл фонтанов засветился встал прежний интерес калмаров к оранжевым пластмассовым мушкетам снасти.

Уже три часа рыбак достает из океана «рыбку» — калмара. Взял центнера семдесят.

— «Альбакор» вызывает «Друзю», «Альбакор» вызывает «Друзю».

— Я, «Друзю», слушаю вас.

— Ну, как ловите?

— Да пока — вяну.

— Домой скоро собираетесь?

— А куда спешить? Часы, полтора еще половим, — беззаботно отвечает «Друзю», но, видимо, слышим беззаботно...

— Кошачь! — кричит капитан Гусак и, не дожидаясь, пока с борта снимут лебедки, ставит указатель машинного телеграфа на «полный вперед».

«Альбакор», вставив винтом воду, берет курс на Юно-Курильск. Капитан ухался. В бочке видно, как засуетились на «Друзю», но поздно... У сейнера одинаковый ход, и выигранные пять — десять минут на старте не отыграй даже за семь часов обратной дороги.

Акуло поклялся «рыбку», надо еще сдать ее. Несколько дней назад был сайра. Было его, по выражению второго помощника капитана, «как грязь», а девять некуда. Все приемочные базы перегружены, выбрали, у кого рыбку брать. Это посылатели. И гниль сайры с борту, и скважины ее в море злые, проработавшие зря и зрала «загубившие» рыбу моряка. А теперь прошла сайра, и те, кто вчера отвергал неслезную рыбачью добычу, сегодня голодом зимарочного зазавали на весь Тихий пригласают заглянуть из окошка. Надвываются, зовут на плавучих рыбоконсервных заводах:

— Я «Захарова», я «Блюхера», идите к нам сдавать рыбу. Мы вам все дадим, все, что есть на борту!

— А что ж у вас есть?

— Все: масло, конфеты, шоколад, одежда импортная.

— С огорошками как?

— Подходите, поговорим... ящики найдем...

— А танцы у вас есть? Есть, спрашиваю, танцы! — явно издеваясь, вопрошает сейнер.

— Есть, есть, устроим.

— Под радюлю?

— Под радюлю.

— Э-э-э...

— Мы и оркестр можем собрать, только сдавайте...

— Нет, нет, я «Альбакор», рыбы не ловим, калмара берем, — сказал Гусак и выключил радютеелефон. — Занескивал, а раньше с нами разговаривать не хотели...

«Альбакор» шел на юг. Усталый шел. Боев кончился. Пас Добва шел спать. Пошли спать все, что был на палубе. Не раздеваясь, повалились на койки. Спят в ящиках тысячи калмаров, пойманных рыбацкими руками. Стучит двигатель. Шастает под килем дельфин. Радютеелефон все орет и орет, «бормоча» вызывает «Рулевого», «Спрута» — «Турца», «Друзю» — «Альбакор». «Захаров» голосом профессионального зазывала приглашает профессионально хриплым голосом.

Это значит, кончилась ночь. Славная ночь для ловли калмара. Капитан Вася Гусак с красными, воспаленными глазами все курит и крутит штурвал, на камбузе старик кок печет пирожки и принимает нечто эдакое...

— А команда спит.

Курильские острова

Забота Ленинского комсомола о молодых предателях многонациональной советской литературы — давняя и привечательная традиция. Время рождает новые формы работы с начинающими литераторами, но смысл ее остается прежним — помочь творческой молодежи наиболее полно и полно проявить свои дарования, воспитать у молодых чувство высокой гражданской ответственности перед партией и народом за каждое свое слово.

Именно этими целями продиктовано новое начинание издательства ЦК ВЛКСМ «Молодая гвардия» — выпуск в свет в будущем году поэтической серии «Молодые голоса».

По своему внешнему виду и объему книги этой серии будут напоминать книжки широко известной библиотечки избранной лирики советских поэтов, собранные под крышу оформленной обложкой. Однако авторы этих книг станут не востановить профессионалами, а молодые и начинающие, которые только еще делают первые шаги в поэзии.

В будущем году в серии «Молодые голоса» выйдет 18 книжек. Авторами их будут участники 5-го Всесоюзного совещания молодых писателей сибиряк Владимир Балачан и таджик Гультурхор Сафиева, Виктор Сычев из Пскова и Игорь Кохановский из Магадана, воспитан Евгений Лучинский и лауреат премии Ленинского комсомола Узбекистана Эриша Вахидов.

Сегодня «Смена» знакомит своих читателей с тремя из наших будущих авторов — саратовцем Иваном Малаховатым, воспитанником Балачана и ивановцем Александром Хромовым.

Вадим КУЗНЕЦОВ.

зав. редакцией современной советской поэзии издательства ЦК ВЛКСМ «Молодая гвардия»

Иван МАЛОХАТКИН

***
Мальчишкой я пришел в майбу,
А что я мог
И что я значил
Перед огромною судьбой,
Которой встречу здесь
назначил!

Я знал:
Качнусь — не пощадят.
Она следит за мною строго,
Единая из всех защит —
Моя
рабочая дорога.

Нелегкая была нога,
Суровое мое начало.
От лома и от топора
В висках
ломно и стучало.

В глазах цветастые круги,
И черные роинки муши.
Мне часто силится вырваться
Да с силой
сладкие ватушки.

Был голод,
и была война,
Но я искал свое спасение
В том,

что работал добела
И чувствовал Землю движущейся

Я знал:
Качнусь — не пощадят.
Она следит за мною
строго,

Единая из всех защит —
Моя
рабочая дорога.

Весна

Космос крылом
до озман достая,
летело утро.
Пробуждался тени.
Упала росы с тонкого куста.
Плыла Земля
в туманном освещении.
А я отвык
от сельской красоты.
И вот сейчас
и радуюсь и плачу.
И в первый раз,
как будто с высоты,
и тыбля глужа, земля, ничея.
И что скрываешь:
я не дружил с тобою.
Ты не знала,
а дулал: позовеешь.
Я знал заводы,
рудники,

забон.
Не знал,
как аскают,
кучерявые, роин...
Жоку обхватить
ремоньство и злытою
на все,
что мог
и что забыть спешил.
И больше мне,
что приехал я в гости
к земле,
с которой раньше не дружил.
Она проста,
доверчива,
готова
раскрыться вся
и скрыть мою беду.
Она-то знала:
через годы снова

я к ней приду
и больше не уйду.
И я пришел...
Вбегаю в кузину смело,
что приоткрыла
на краю села.
Она, ссутулился,
чточую осела,
и крыша
черной пылью задела.
Но все шумит,
шумит многоголосно...
Стучит кузнец,
упорно,
от души.
И кажется,
что он кует копыца
для той,
эдак означившейся ринк.

***

Я розу иногда зову именем.
А запюпит — синица,
как это ни позорно...
не разберу, синицки! —
но погодя, природа, не корн.
ты выслушай, ты только не обидься!
Когда-нибудь и я поднатерю.
Я так обязан бабочкам, и птицам,
и дузу трав, и шестелу деревьев.
Я городской — и говорю и родом.
Моя родня — трамваи, фонари.
И не оставь, не брось меня, природа.
Поговори со мной. Поговори.

Березовые стихи

1

Куда это я вышел!
Туман или дымок!
Негромко, неподвижен
березовый лесок.

А в нем бело от снега,
в нем осыло от берез,
и розово от неба,
и радостно до слез.

2

Березово-ольховый
железья-белый лес.
В пространстве снег пузовый
до самых до небес.

Нетленно и просторно,
и счастливо нет помех.
И корявые короны,
похожие на смех.

***

Проехала машина под окном.
Стекло в окне слегка задрезано.
Я как-то вдруг задумался о том,
что будущее, кажется, настало,
что я уж взрослый, что уже отец,
что дочери моей четыре года
и что пора, наверно, наконец
чтоб на лицо, как шрам, легла забота.
Что кончилась приятная игра:
ждать слишком много от пустой беседы.
Что подошла известная пора
не слушать — самому давать советам.
Не то, что слишком думать о чинах,
но тверже стать и заниматься делом.
И знать, что не к лицу быть неуверным
и не к лицу пустое начинать.

***

Светло и грустно. Даже не пойму.
Прохладина, безветренные ночи.
Живу один в бревенчатом дому.
Целебен дар глубоких одиночества.

А за окном на маленькой реке
большая одностепенная вода
отчаливает плывано и не ходю
до озера, что скрыто вдалеке.

И, сквозь стекло попал на ту ляду,
пыль, неслышно воду рассекая...
Путеший крик из ближнего сарая
внезапно возвращает к бытию.

***

Мы сторона своей родной
Любовью светлело обязаны,
И наши судьбы с нею связаны,
Как села связаны тропой.

Здесь не выраживают злость.
Трудом крестьянским здесь настало
Пшеницы золотая ость,
Раздольем —
Все четыре стороны.

***

Продавал цыган мотоцикл.
А что ему продавать!
Если еще отцы
Кончили воровать.
Соловух и воронух —
Не те времена как-никак...
Сует он вод бак,

как под дмх,
Красный, как бак, кулак.
Хвалит стального коня:
— Делает свечку до звезд.
Чуть не унес меня
Через овчар на погост.
Кровах с молокою,
Огонь!
Гниешь —
Была не была!
Не мотоцикл, а конь,
Только доржи удмал!

***

Я люблю светло и бережно,
Возлюбленно, горячо.
И тогда я с ней по берегу —
Нас морщина через плечо.
Не умел играть —
навыстивал.

Трун лад —
И неполод.
За сером я с нею выстоял
И дочери
И листопад.
Но остался грустным прошлым
Наша юность,
лес
и сад!

Не пришла однажды в роцку —
Вышла замуж наугад.
И стою я опечаленно
У скринчух у ворот:
До чего ж она отчаянно
По течению плывал!
Боль похмине не кончается,
Запачка и глаза.
...На гвозде гармонь качается —
Темно-злые мехи.

***

В сторожке сторожа не шумно.
А осторожная лиса
Своею огниною шубой
Прожегла осенние леса,
И тамешь гроздева на рибине
Висит над грядью бочага.
Здесь родина моя любяная
И дым родного очага.

***

Всегда со мной — адали,
вблиз ля,
Куда б судьба ни повала,—
Глаза закрою —
вику зримо,
Как на поля течет заря,
Рогамь небо подливая,
Встав на хольце,
ногамь врозь,
как памятник родному краю,
Застыт у сосен гордый лос.

Пленные немцы

Безжал два немца из плена.
За мирной деревней лесною
Поймали их тетя Елена
На огороде весною.
Сбылась сельские бабы —
Днюковно было для них —
Ни разу не видели швабов,
Что вдовам сделали их.
Сидчала тет немца бояли,
Побили по-бабы.

...власть,
Потом их в подвал посадили,
Районую вызвали власть.
Столк.
Шулеки,
Гаддели.
Топились гурьбой у крыльца,
Чтоб вновь не бояли — гаддели,
Но злость похмидла сердца.
И тетя Елена,
Что немцев
Поймали на огороде,
Дала им картофельных хлебца
При всем деревенском народе.
А кто-то дал щепот маорки
И помидры в банке.
Все ж люди оим,
а не волки,
И слышалось горькое: — Данке.

Ольга ВОРОНОВА

“МУЖЕСТВЕННАЯ И СОЗНАТЕЛЬНАЯ ТАРМОНИЯ”

Минск — теперь город новый. В нем нет памятников старина — тех «кирпичей», из которых складывается история архитектуры. От старого остался лишь один район — Немига. Узкие улочки, наступающие друг на друга дома, покатые крыши. Такой и воссоздал Немигу живописец Гавриил Вапиевко. Такой и не такой. Все, изображенное на холсте, существует в действительности, он ничего не смеялся, не выдумывал. Только легкими светлыми бликами и мерцающим воздухом вывязал поэтичность облика старых, как бы вросших корнями в землю строений, своеобразно беспорядочно безумных переулков, подчеркнув давность и значительность этой земли, виденной много веков и много сражений. «...Кровавые берега Немига той же добром были посылки: костями посылки русские сыновья».

От «Слова о полку Игореве» — к Великой Отечественной. В мастерской Вапиевко рядом с «Немгой» стоит полотно, которое художник назвал «Инокоронья». Кружатся земля, заснеженные холмы мягко уходят вдаль, сливаясь на горизонте со штепелящимся лесом. В этот лес уходит партизань — непрозрачный, непрозрачивающийся полот людей. Лишь ритмом их движения разряжается тревога, затененная сложной сине-фиолетовой цветовой гаммой и плотной, несколько шерохо-

ватой фактурой. Люди падут, не замучившись над тем, что совершают героический поступок, просто они не могут представить себе, что можно действовать иначе.

На переднем плане полотна жесткое лицо. Портрет? Нет, скорее соборный образ женщины-партизанки: строгий и требовательный, он олицетворяет неотвратимую славу, чистоту и совесть народа. Углубленный интерес к простому человеку, желание рассказать о нем достоверно и зримо, без аллегорических инюказаний, сочетается у Вапиевко с художественным обобщением. Благодаря этому уходит бытовая повествовательность, исчезает мелочное правдоподобие. Остается только главное — человек и взлет его дуа.

Четверть века, прошедшие с войны — большая времена дистанция. Она позволяет не только воссоздать конкретные картины боев, но, философски осмыслив все пережитое, сделать из него выводы, существенные для понимания истории и сегодняшнего дня. Для Вапиевко таким выводом является общенародный характер Отечественной войны, массовость героизма белорусского народа.

Другую задачу ставит перед собой Михаил Савицкий. Он показывает все бедо, обрушившиеся на республику: черные перекалывающие выростки над землей янсаца, партиза, хоронящих

В. ГРОМЫКО. «Над Припятью».

И. ПОЛЯКОВ. «Березовый сок».

умирает от голода детеныш. Но война для него не только горе и смерть. Одновременно это выделение духовной ценности людей: их человечности, нравственной стойкости, верности Родине. Внимательно вглядываясь в людей, он подчеркивает в них те черты, которые ему особенно дороги: мужество и доброту, волю к победе и честность. Открытая книга — лицо старика, уходящего в мир иной, но достойной жизни, в которой не за что哭ся, ничего стыдиться.

Савицкий не гонится за новизной сюжета. Сколько раз, например, писал художник мадонну! Обратиться к этой теме — не значит ли заранее обречь себя на повторение? Но для Савицкого важно не положение фигур и необычность поз, а духовная наполненность полотна, глубина и серьезность вложенных в него чувств. Трагедию положение матери, не имеющей для младенца другой крышки, кроме партизанской обстреливаемой землянки. И все же по драматизму события (который можно было бы обыграть и романтически и ватетически) становится главным в «Партизанской мадонне», а та особая просветленность, озаренность материнства, которая согрывает телом все окружающее и вносит совершенно своеобраз-

ную ноту жизнеутверждения в повесть о партизанах, что идут в бой «не ради славы — ради жизни на земле».

«Жизнь» называется картина, за которую Савицкий получил Государственную премию БССР 1970 года. Этот человек ожидает расстрела: на груди у одного доска с номером надписью: «Партизаны». Они стоят неподвижно, и это дает художнику возможность заменить внешнею динамику внутренней экспрессией, выразительностью движений и жестов — выразительностью переживаний. Все кто-то — и старик с лицом патриарха, и молодая женщина, несущая в себе новую жизнь, и мальчик-подросток, и мужчины — разлучены по шпалде, каждый думает о своем и по-своему. Но, непохожие один на другого, эти люди едины в своем отношении к жизни; они — часть целого, кость от кости и плоть от плоти народа. Можно расстрелять их, можно спалить деревню, но нельзя изменить характер народа, его честность, неподкупность, его верность родной земле.

Жизнь будет продолжаться. Память о кроне деревьев, хранит тепло дома, выстроенные и выкопанные человеческими руками. Гордо, спокойно, с чувством собственного достоинства ждут смерти обреченные. И хотя люди умирают по-разному, а все персонажи полотна ведут себя одинаково,

эта художественная однозначность умчалась: осветив внутренней силой и поэзией их последние минуты, Савицкий утверждает величие народного духа. В образной структуре полотна поворачивается нравственная оценка происходящего, точная пропорциональность соотношения поэтической условности и жизненной реальности, та омуажественная и сознательная гармония, по определению Беллинского, которая необходима для идейно-художественной значительности картины. Ни на грани не отступая от суровой правды военных лет, Савицкий идет к созданию эпического, огромного собирательного образа народа.

Но рассказ о народном характере был бы не полным без рассказа о том, что его выковало и укрепило. Ответ на это «что» можно найти в символическом полотне Савицкого «Двадцатьше». Падает статуя царя, руки народа тянутся к Ленину, в образе которого сконцентрирована могучая энергия мысли и воли. Но еще более четко раскрывает эту тему творчество Владимира Стальманюка.

Стальманюком воспринимает и воссоздает мир в густых, насыщенных, иногда контрастных тонах. Мрачность черно-зеленых цветов полотна «В Налебской вуде» подчеркивает горечь партизан, хоронящих убитого товарища. Совсем в ином — аллюзивном! — ключе решена картина «Праздник в

коммуне», посвященная одной из первых полесских трудовых коммун. В ней живописец использует традиции белорусской живописи и белорусского народного искусства. Радостные белые, красные, охристые, зеленые тона сплетаются разнообразными ритмами, повторяя узоры белорусских ткацких переплетов, искрятся тельцами, бледным золотом малых зерен колосов, вспыхивают победой пятнистой звездой. Слово из сказки, присказка белый конь: полесская коммуна олицетворяет для забавы, впервые почувствовавших себя равными людей вековой мечты о счастливой жизни. И сами они в какой-то степени стилизованы под героев народных сказок.

История в былинно-сказочной интерпретации Стальманюка становится оскотительной-живой, лаврически-взволнованной. И хотя довольно несколько перегружено деталями — этим художник хотел придать ему реалистическую убедительность и выразительность, — во торжествует в нем то быт, а эмоциональная атмосфера любви к жизни, всплеск народной радости.

С предельной ясностью раскрывает Стальманюком о связи истории и современности, эстафете поколений в триптихе «Сыны родные», экспонированном на областной республиканской выставке. Его герои — ларяки,

на 4 стр.

Фотокорреспондент Евгений Халдей принес в редакцию шесть снимков. Первые три он сделал во время войны. Остальные — спустя двадцать лет. Халдей рассказал, что его горно сражалась на Черноморском побережье и что их миная знал тогда весь флот.

Что же они? Бывший санитар морской пехоты Мария Павловна Лукьянова, бывший старшина морской пехоты Герой Советского Союза Кирилл Селиверстович Дибров, бывший командир артиллерии главного калибра крейсера «Слава» Иван Иванович Пахомов.

Фронтовые редакционные будни помешали Халдею подробно поговорить с этими людьми — газеты печатали его снимки с короткими подписями: «В боях с фашистами отличился...».

Что же было тогда с ними? Как сложилась фронтовая и послеслужбная жизнь героев этих снимков!

Специальные корреспонденты «Смены» Евгений Мосцев и Николай Хлебодаров выезжали в Арзину-Осиповку и Адлер: там живут Мария Павловна Лукьянова и Кирилл Селиверстович Дибров. В Москве они разыскали Ивана Ивановича Пахомова...

— При каких обстоятельствах был сделан фронтový снимок!

М. ЛУКЬЯНОВА. Халдей приехал к нам после боя. Раньше я никогда не фотографировалась для газет, мне было неловко, а тут еще муж (он служил в наших полку) и подруга все время смеялись. Наконец, он что-то мне сказал, я стала отвечать — это тот момент Халдей и сделал фото...

И. ДИБРОВ. Мы снимали сразу же после штурма Новороссийска. В центре фото — Отар Диванян, крайний слева — а. Крайний справа — Владимир Кайда. Кстати, это про него на Черноморском флоте говорили, что у Кайды пудовые кулаки и что однажды он уложил кулаком фашиста... Оба моих товарища сейчас живы и здоровы: Отар живет в Сухуми, Володя Кайда — в Дружковке, под Донецком.

И. ПАХОМОВ. В декабре 1942 года командование Черноморским флотом решило сделать стволы береговых батарей; от частой стрельбы они порядком изнашивались. Чтобы немцы этого не знали, не чувствовали, кораблям приказали поддерживать действия наших сухопутных войск. Я командовал тогда артиллерией главного калибра на крейсере «Слава», мы отличились — послали в сторону немцев более 1500 крупнокалиберных снарядов: по пехоте, танкам, минным батареям. Здесь, на крейсере, 28 декабря 1942 года Евгений Халдей и сделала свой снимок.

— Где вас застала война! Когда вы прибыли первым бой!

М. ЛУКЬЯНОВА. С утра 22 июня работала в саду. В полдень прибежала сестра: плачет, говорит, что только что по радио объявили о войне... Я была еще очень молода, и военком не мог отправить меня на фронт — осталась дома. Потом семья переехала в Туапсе. Здесь я попала на глаза командиру 83-й бригады морской пехоты: «Комеш, красавица, приходи морякам по хозяйству!» Так попала в морскую пехоту... Первый бой бригада приняла под Новороссийском — это был тот самый знаменитый бросок на Малую землю. Я выносила раненых, готовила морякам еду, стирала белье.

К. ДИБРОВ. В июне 1941 года я демобилизовался с Тихоокеанского флота, начал работать в ремесленном училище — преподавать военное дело. 22 июня был с братом чай — тогда и услышал радио. Пошел в военкомат, а мне вместо направления на фронт дали бронь. Я отказался... Направили сначала в Харьков, затем попал под Новороссийск — охраняли военно-морскую базу. 29 декабря 1942 года с группой «котловников» высадился под Феодосией. В 2 часа ночи заняли город, но ненадолго — у немцев было много пушек... мы же взяли на штурм лишь пулеметы и несколько легких орудий.

И. ПАХОМОВ. В ночь с 21 на 22 июня уловился с крейсера на берег. В Севастопольском Доме флота посмотрел с друзьями хороший концерт, затем поехал в гости. Здесь по радио и узнал о войне: сейчас же с рейда раздалась пушечная стрельба — сигнал «большой сбор, тревога». Не успев добраться до Мишиной стеники, как увидел первые взрывы в районе памятника Потыбинским кораблям. В 3 часа утра следующие ступи уже стреляла по фашистским самолетам: они зашли со стороны моря, сбрасывали в бухту мины — хотели отрезать выход кораблям из Севастополя...

— Вы самый памятный бой!

М. ЛУКЬЯНОВА. Бой под Новороссийском. Было очень много убитых и раненых. Мы выносим их с поля боя, перевязываем, а моряки, если могли, конечно, говорить, просят: «Ну, что вы, сестрички, плачьте!» Слезы от этого горя текли сами собой. Или, может быть, такое уж наше женское сердце!...

К. ДИБРОВ. Все бои за наше Черноморское побережье, десант на Малую землю.

— За них вы и получили звание Героя Советского Союза!

— В основном за длительную тыловую разведку. Мне довелось 14 раз высаживаться на берег в районе Абрау-Дурсо, Анапы, Керчи.

Мария Павловна Лукьянова в рядах морской пехоты — 1942 год; в центре — спустя 25 лет с семьей.

Кирилл Селиверстович, вспомните, пожалуйста, один из эпизодов разведки.

— В 1943 году нашу группу высадили в районе Анапы с задачей — тщательно разведать расположение немцев, взять языка: командование флотом готовило большую десантную операцию. Высадились удачно, зашли в тыл к немцам, начали собирать сведения. Днем замечано, куда-то исчез один наш боец — Василий Зеркалов. Сначала я подумал, что он просто пошел за водой. Но его все нет да нет. Забеспокоились о другом — накануне это-то из наших морских слышал от Зеркалова недоброе слово: «попели в ловушку», пропали... нехоро возмущаться... Неужели, думаю, удрал к немцам! На всякий случай быстро сменили место, а и моряки расположились там, что очень хорошо просматривали Ближнюю дорогу. Часа в два или в три увидим, как к тому месту, где мы совсем недавно находились, тихо движется колонна немцев — человек восемьдесят. Нас же около двадцати. Я раздал свой на три группы, приказал действовать по моему сигналу. Немцы прошли первую группу, затем вторую и, когда были от нас в десяти шагах, — приказал стрелять. Мы скрестили человек пятнадцать. Остальные кинулись назад, к морю, в обратном, но поздно: мои ребята из тех двух групп забросали их гранатами, побили из автоматов. Приблизи и того гадя — Василь Зеркалова. А в это время к немецкому берегу подошли наши катера: накануне мы сообщили, что он убит в боях, выжили десанта. На катерах услышали шум боя, подняли, что рисковать не стоит, и повернули назад. Про бой узнали и немцы: едва мы «смыслили» с этого места, как сюда направилась целая рота. Они прощали берег, подбирали своих и долго искали нас. Но мы были уже далеко. А еще через несколько дней на берег высадились наши десанты.

И. ПАХОМОВ. Для меня памятен бой 1 января 1942 года. Мы подошли к Угольной пристани в

Иррилл Соллерстоуин Дибров. Вершинки снимок — 1942 год, крайний слева вверху, нижний — спустя 25 лет с боевыми друзьями О. Джиндени и В. Мандо.

Иван Иванович Пахомов. Вершинки снимок — 1941 год, нижний — спустя 25 лет с сыном — курсантом нахимовского училища.

ЧЕРНОМОРСКОЕ

Севастополю с трехтысячным пополнением и боеприпасами всех видов. Стоял по боевой тревоге: Севастополь был уже окружен. Вызвано началось минометный обстрел, налетели самолеты. Сидеть на крейсере, начнемном снарядом, в такой ситуации, согласитесь, не сладко. А тут еще осколком разбил ногу, убило моего лучшего наводчика Кондратенко. Нам дают приказ подовать минометы фашистов в долине Мамашев. Приказ выполнен, затем молниеносно разгрузились и ушли от самолетов...

Другой памятный бой произошел в июне 1944 года у берегов Англии. Мы прибыли от английского командования линкор «Архангельск», вышли к своим берегам. Разведка сообщила, что немцы решили атаковать нашу группу подводными лодками. И вот наблюдательный пост передает: справа, курсом танком-то вижу перископы подводных лодок». Действительно, на поверхности почти видны бурчунки от погружившихся перископов.

Открываем огонь и видим, как шаркается в разные стороны обезумевшее... стадо касаток. Напряжение было столь велико, что артиллеристы сразу и не остановились.

— Каким из наград вам особенно дорога? М. ЛУКЬЯНОВА. Медаль «За отвагу». Я получила ее после боя под Новороссийском.

К. ДИБРОВ. Звезда Героя Советского Союза. Я получила его за оборону Севастополя, с которым связаны лучшие годы моей жизни.

— Ваш самый тяжелый день на войне? М. ЛУКЬЯНОВА. Я не могу назвать такой. Для меня все дни войны были тяжелыми...

К. ДИБРОВ. Начало войны, точнее, первые ее месяцы. Я слушал свист с фронта и понимал, что выгнать немца с нашей земли будет тяжело — он ведь куда зашел...

И. ПАХОМОВ. 13 августа 1942 года. В этот день мы не смогли уничтожить скопление фашистов и

едва не потеряли крейсер. Почему? Мы вышли к цели, и нас атаковали 18 торпедных катеров и самолеты. Одна из торпед оторвала 25 метров кормы. Крейсер сбавил ход, рулевого управления нет. Крутом фашисты. Отбили чудом...

— А самый радостный? М. ЛУКЬЯНОВА. Победа! К. ДИБРОВ. Победа, возвращение домой. И. ПАХОМОВ. Их было несколько...

Однажды мы доставили в Севастопольскую бухту Голландия 500 бомб для морских летчиков. Надо было видеть радость пилотов. Они тут же полетели бомбить фашистов...

В тот же день к Пассажирской пристани пришли представители сухопутных войск — благодарили за поддержку с моря. Особенно было приятно слышать, как командир крейсера Юрий Константинович Зиновьев скажет пехотинцам:

— Не мена благодарите, а Ивана Пахомова. Он у нас управляет огнем...

Пехотинцы подарили нам за это полную телегу шампанского.

— Каким оружием вы воевали? Какого вы амплуа и нева!

М. ЛУКЬЯНОВА. Носила при себе карабин, нож, гранаты. Пользоваться этими предметами мне не пришлось. А если бы и довелось, полюбилась бы скорее на финку или «лимонку».

К. ДИБРОВ. Морская пехота пользовалась в основном автоматами, ножами, гранатами. Вещи эти отменны и очень надежны.

И. ПАХОМОВ. Наша артиллерия по баллистическим качествам (точность, скорость стрельбы и т. д.) превосходила артиллерийское вооружение кораблей других стран. Я в этом убедился, когда знакомился с артиллерией иностранных кораблей в течение трех лет...

— Знаете ли вы, что такое страх? М. ЛУКЬЯНОВА. Страшно, когда видишь много крови, горя и слез. Но такой страх очень быстро сменяется ненавистью: в этом виноват враг, его надо бить, бить, бить...

К. ДИБРОВ. Страх — это ведь когда теряешь голову, а вместе с ней, возможно, и жизнь... Со мной такого не бывало.

И. ПАХОМОВ. Фраза «страха не чувствую», по-моему, осознанное утверждение человеческого «я». Но, думаю, есть страх и неуравновешенный, инстинктивный. Мне кажется, что появлению страха должно отнестись определенной задачей. Человек должен перебарывать страх. Мне часто приходилось смотреть на людей в минуты крайней опасности. Малейшее проявление слабости у командира несколько передается подчиненным. На крейсере я как командир орудий видел выше всех и часто видел даже выражение лица вражеского летчика, пикирующего на корабль. Это страшно, если ты не действуешь, не организуешь огонь в бесконечно меняющихся ситуациях. Когда ты занят, — страх проходит...

— Есть ли у вас любимая военная песня, книга, кинофильм?

М. ЛУКЬЯНОВА. «Синий платочек», «Золото берега Полевого», «Малохв курган».

К. ДИБРОВ. «Заветный камень», «Морская душа», «Мы — из Кронштадта».

И. ПАХОМОВ. «Заветный камень», мемуары Жукова, Штеммелю, Рокоссовского.

— В чем, по-вашему, смысл жизни? М. ЛУКЬЯНОВА. В счастье детей... У меня двое взрослых сыновей. Порядок в их семье, их здоровье — что может быть милее сердцу матери!

К. ДИБРОВ. В том, что делешь своими руками: бьешь ли врага, пахнеш ли землей...

И. ПАХОМОВ. Я счастлива, что мой опыт работы и приносит определенные плоды. Без быт жизни я себя не представляю...

АВТОМАТ И ТАМ-ТАМ

Олег ИГНАТЬЕВ,
Виталий ИГНАТЕНКО

Взгляните на карту африканского континента. На западе его, между Гвинеей и Сенегалом, лежит страна, быть может, мало известная вам, со столицей Бисау. Если же у вас в руках окажется карта, изданная на капиталистическом Западе, то территория эта будет обозначена как «португальская колония», хотя это уже на две трети не соответствует действительности.

Именно такую часть своей родины, веками находившейся под колониальным гнетом португальцев, уже освободили патриоты Гвинеи [Бисау]. В освобожденных с боями районах созданы органы народного самоуправления, открыты школы, больницы, магазины, созданы первые крестьянские кооперативы. Народ начал свою жизнь снова на свободной земле.

Против «тузов», как презрительно называют здесь португальских колонизаторов, действуют народная армия и партизанские отряды. Во главе вооруженной борьбы с португальцами и мирного строительства на свободной территории стоит Африканская партия независимости Гвинеи и острова Зеленого мыса [ПАИГК]. Опытные партизаны командуют соединениями и фронтами, руководят комитетами ПАИГК в табанках [селениях]. Эти люди в начале шестидесятых годов поднимали свой народ на восстание, они прошли через засады «тузов», предательства, непонимание целей великой борьбы...

...Мы, два советских журналиста, оказались на восточном фронте в Гвинеи [Бисау] после долгой и тяжелой дороги по джунглям. Дни и ночи, которые провели мы в распоряжении командования народной армии, среди ее бойцов, убедили нас, сколь яростная битва идет с колонизаторами за каждый форт, каждую табанку, каждый район. Партизанские тропы, по которым мы шли только ночью [днем злое солнце и опасность боя] были оставались нас на привалах, тоже когда-то были отбиты у врага. На некоторых тропинках еще остались жестокие отметины его отчаяния — мины.

Так мы добрались однажды до местечка Мадина-Боя, только что отбитого у португальцев, которые отступали на рысях, бросая убитых, оружие, мешки. И не тем лишь важна эта победа, что вырван у «тузов» кусок джунглей, заштыкованная колючей проволокой. Отныне на все четыре стороны от гарнизона Мадина-Боя, на десятки километров от него земля впервые за века перешла к народу. Так с боя жестокого и неутомимого, здесь начинается новая жизнь.

На коротких привалах командиры делились с нами водой. Один из них, Сильвино да Лус, сказал как-то:

«Хорошая это усталость, намарадос — идти по своей земле. Раньше нас два-три занимал весь переход, дальше уже был враг, а теперь вот шагаем всю ночь...»

За время пребывания в Гвинеи [Бисау] мы узнали десятки людей — бойцов, военачальников, командующих фронтами, учителей народных школ. Мы расскажем лишь о трех знакомцах.

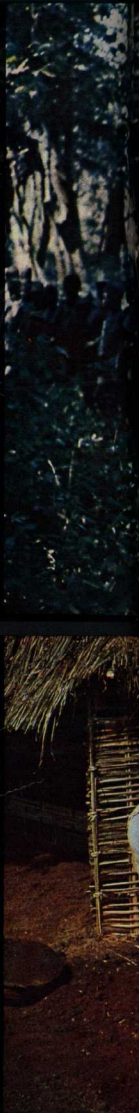
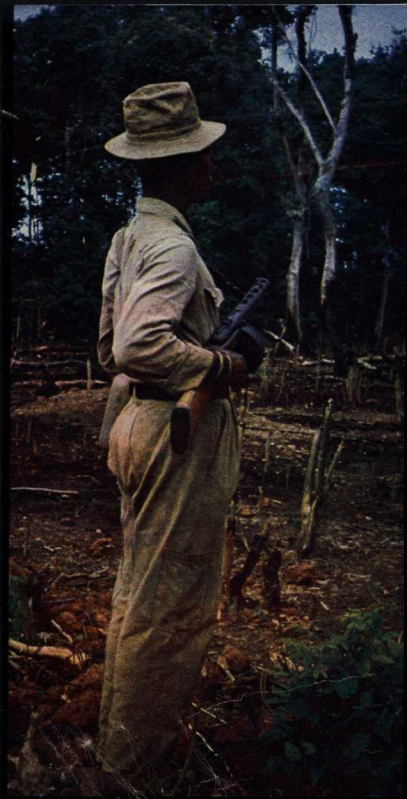
Команданте Чучу

Чучу — партийный псевдоним Константина Теншера. Даже среди самых высоких африканцев он покажется самым высоким. И силу его бог не обидел. Когда Чучу держит автомат, кажется, что в руках у него парабеллум... — такие ручищи...
Добрый и застенчивый человек в кругу друзей, он яростен в схватке с врагом. Десять лет охотятся за ним «тузи». Однажды он уже был у них в руках, но...

...Его схватили в табанке, где по поручению партии он рассказывал о целях партизанской войны. Жители селения были в то время под влиянием колонизаторов и выдали Чучу и его товарищей португальцам.

День за днем шел допрос арестованных, сначала в Було, затем в Бисау. День за днем «тузи» добивались у пленников признаний, их сведения, Чучу и его друзья молчали. Тогда его на полдороге бросили в одиночку. Чучу смотрел на оконце под самым потолком, закрытое массивной решеткой, смотрел на кусочек голубого неба и думал о товарищах, которые продолжают борьбу, думал о родных и о победе.

В дозоре.

Отряд уходит в джунгли. Вот-вот прозвучит команда «Ну пинче!» — «Вперед!».

На второй день после приказа Чучу с несколькими подпольщиками исчез из Бисау и добрался до местечка Ньякара. Проводником им служил мальчишка лет пятнадцати. Он привел беглецов в дом к своему отцу но ночевать тут они не стали — разбили лагерь в лесу. Ночью же они не спали ни часа, и перед дальнего дорого надо было отдохнуть. Решили по очереди стоять на вахте. Предосторожность не оказалась излишней: португальцы, живя в образе разведки, долго служили революционерам проводником. Они ввалились к нему в дом и стали его избивать. Били зверски. Смертельным боем. Парнишка не выдержал и сбежал...

Целый день уходили от погоней партизаны. На своих плечах Чучу переправлял товарища через большую реку, потом вернулся к другим. Второе они приняли бой против целого отряда и победили. И поэтому они были в числе на базе патриотов, и Чучу принял отряд под команду.

Сейчас Константино Теишера — один из командующих южным фронтом.

Божать удалось через год и семь месяцев заточения. Не пришло еще время рассказывать о подробностях дерзкого побега Константино Теишера. Силами только, что, вырвавшись на свободу, он долгое время оставался в Бисау. Нет, не просто скрывался в столице, а вел подпольную работу.

Партия назначила его ответственным за переброску товарищей из Бисау в соседние страны. Но среди подпольщиков еще встречались тогда люди, не прошедшие достаточной проверки. Кто-то проболтался, что Чучу в городе. Были мобилизованы все полицейские, которые принялись прочесывать квартал за кварталом, обисматывая дом за домом. Ночью они подошли и кварталу, где скрывался Чучу. В крошечной тыме он выскользнул из скрывающегося косяка и перепрыгнул на другую яму. И все же в городе оставаться было нельзя. Партия отдала Чучу приказ вывиться на одну из баз в освобожденном районе.

Давно не был дома солдат. И сейчас, когда на фронте затихло, когда можно снять автомат на мотуги, он занялся благоустройством своим табанки.

Песни в патрониташе

Если ожидался тяжелый и долгий переход, впереди отряда становился барабанщик. У него не было автомата, он не нес боеприпасов, но он шел впереди командира, и все равняло по нему шаг. Конечно, это вовсе не военная должность — барабанщик. Только здесь, в Африке, древним тапатам становится грозным оружием. И тогда во главе группы шагают барабанщики, командиры считают, что в отряде одним автоматчиком больше.

Миллисанос (молодой боец) Сефу числится на восточном фронте барабанщиком. Он живет в табанке Тавадара и имеет под своим началом целую «музыкальную команду». Если потребуется, Сефу своим барабаном выведет отряд из незнамого и глухого места. Он тогда как пощан в джунглях — ведь многие местные жители боялись змеи, понимая танцы змеи барабана Сефу. Если потребуется, миллисанос Сефу и его команда могут устроить такой концерт для усталых воинов, что померкнет разногласие джунглей, утихнут змеи и птицы. И если надо, Сефу возьмет автомат и выведет своих музыкантов на защиту табанки, и тогда уж узнают ступни, каков этот боец-барабанщик и почему командиры считают его в первую очередь воином.

Сефу из знаком с Доминио; они живут в разных районах Гвинеи [Бисау]. Но у обоих музыкой и лесными полями патрониташе.

Доминио ходит из табанки в табанку и несет с собой много песен. Листует вьюны, долгая, провалява Пардот болбы на тростниковые зинини, стелется дым поаирици. Разве время для песен, когда каждая винтовка на счету!

Представляется Доминио вепчаво! — Инспектор по обеспечению госпиталей района!

Конечно, есть парни в этом районе, которые поют лучше Доминио. Но они не смогут сплести песню о том, или партизан разбили у Бедина гарнизон в тугове, не рассказав в песне «знаингге» о бесстрашном командире Чучу, потому что незаномы с легендарным Константино Теишера и даже не представляют себе, где находится это Бединава. А Доминио знает, потому что он всегда на передовой.

Один из нас встретился с Доминио и в госпитале. Пенесеносец пел о смелых воинах, вращающихся в storm, и даже о том, у кого кортгли больше ран, вернувшись из боя, и сгоревшие улыбки их лица. Разве такой патрониташе не столь же важен, как и обычным, набивая пулями!...

ПОСЛЕДНИЙ РАВНОБОЛ

Лариса ЛАТЫНИНА, заслуженный мастер спорта

Фото Владимира САФРОНОВА

Иногда, ожидания... Как много их в нашей жизни, и сбывающихся и несбывающихся. Еще в 1962 году перед Прагой я, смеясь, отгоняла мысль о расставании со спортом, думала, что еще так далеко до моего прощания. Но вот прощание 1964 года и нашей чудной команды нет. Еще до Токио ушли Лидя Иванова и Ира Первушина (и у той и у другой травмы мениска). После Токио простился с гимнастикой Соли Муратова, Тамара Манна, Тамара Люкина.

В январский день 1965 года я ждала перед Дворцом спорта Александра Семеновича, в мысли мои были совсем невеселыми. Недавно я прогнала здесь, в Киеве, первенство СССР пятнадцатилетней девочке Ларисе Петрик. Я вдвое старше ее. Я закрыла глаза и представляла себе аял, почему-то с длинным столом, конечно, накрытым красной скатертью. И за ним самый представительный сынчик. Строгий предсказатель спрашивает, обращаясь к ширенге гимнасток:

— Кто из вас выступал в Риме на первенстве мира в 1964 году?

И одна Латынина делает шаг вперед.

— А в Мельбурне в 1966-м?

И мы стоим вдвоем с Полиной Асташовой.

— А в Москве в 1968-м?

Асташова и Латынина.

— А в Риме в 1960-м?

Асташова и Латынина.

— В Праге, в 1962-м?

Токио.

— И в Токио?

Да, и в Токио.

— И вы сейчас хотите выступать? Если вам самим не надоело, то пожелание людей!

Нет стола с красной скатертью, нет председателя. Знаю, что иной раз говорят почти так, а может быть, и категоричнее. Говорит. Но разве это-то, кроме тебя самой, может сказать, хватит или не хватит?

Может, Александр Семенович? После того декабрьского первенства он выглядел совершенно спокойным: «Ну, у него-то ты еще выиграла...» Но разве дело в том, выиграла я у Ларисы Петрик или нет?

«Ледяное море» партию Одетты иногда танцует одна балерина, а Одылино — другая. Мягкий, лиричный, полный трепетного ожидания любви и отступающий перед самым чармом белый лебедь — Одетта. И порывистый, стремительный, полный сил, уверенный в себе черный лебедь — Одылина. В «Ледяном море» неизменно торжествует добро, и зрителя радуется счастью расколовшейся Одетты. А на гимнастическом помосте ты не будешь торжествовать победы, если не слываешь в характере, в умении бороться и Одетту и Одылина. В минуту сомнений, в мгновения слабости ты, что вы выучили и поняли из партии Одылина, должно прийти вам на помощь.

И вот и готовился к выступлению на первенстве Европы 1965 года. Оно принесит мне вторые места. Пять серебряных медалей. Затем след этот год в Мехико, когда я окончательно поняла: до Олимпиады мне не дотянуть. А коли так, надо наметить свой последний шаг.

Окончание. Начало см. в № 13.

рубеж. И я его наметила: сентябрь 1966 года, первенство мира в Дортмунде.

Меня не раз спрашивали: «А вошло ли у вас желание уйти раньше, неизбежной, или в ореол последнего токийского успеха?» И я, не колеблясь, отвечала: «Нет. Я никогда не связывала гимнастику только с победами. Если бы сильная соперница и обыграла меня в 1960 или 1962 году, разве надо было бы мне уходить? Разве уходила та, кто обыгрывала ее? Когда спортсмен стареется уйти неизбежным, хотя ты еще можешь что-то дать спорту, людям, он отступает. Выходит это — мужество: ушел в расцвете сил. По существу, это трусость: бороться проиграть. Я знала, что бы ни выиграла в Дортмунде, но я знала и другое — у меня хватит сил, чтобы выступить для команды. Ах, наша команда образца 1966 года! Полина, в Копенгагене, куда мы поехали в 1965 году, в один из вечеров мы поехали в ореол Иветту Кучинскую и Ларису Петрик. В номере нет, в холле нет. Осмелился на самые смелые предположения: сплутались в бар! Конечно, их там нет! Члены сборной команды СССР Кучинская и Петрик в это время...»

И опять разговор с Александром Семеновичем. Теперь он не спрашивает, задумчиво утверждает:

— Ну, старая, все. Покувыркалась — и хаванит. В последний раз... Мы с Борисом Шахлиным едем в Дортмунд в команде, а Александр Семенович в туристской группе. Вот в какой момент, когда нашего тренера отлучают от сборной.

— А что ж, пора... философски замечает он... Сколько можно... Теперь пусть другие попробуют, как я. — До какого возраста можно тренироваться на сцене? — спросил известного балетмейстера.

— Танцевать можно и до семидесяти лет, — ответил он. — Вопрос заключается в том, кто будет смотреть в этом случае на сцену и кто будет говорить.

«...Автубус подвезжает к нашей го-стинице. В двадцати метрах от нее вход в огромный зал «Вестфали», где будет проходить первенство мира. Неподлужный стадион и огромный Вестфален-парк, там и поздно вечером ярко светится огнями на телевизионной башне.

Меня и Полину, как ветеранов, размещают в номере со всеми удобствами, довольно просторном. Вольшиство же номером отеля, где будут жить все участницы первенства мира, тесноваты и не очень-то комфортабельны.

Наступил наш последний день отдыха перед стартом. Вечером все участницы приглашены в оперный театр. По дороге встречается с Чалаславской.

— Ты будешь выступать? — в голосе и удивлении и сожалении.

— Попробую. Она качает головой. Ну, такие психологические атаки меня никогда не трогали и не тронут. «Чемпионы не возвращаются». В двадцать пять лет я смогла опровергнуть эту нечеловеческую посылочку, выиграв в Риме. Через шесть лет мне это сделать не удалось. Я это знала лучше, чем кто-либо другой.

— Ничего, — говорю я ей, — тебе не будет скучно. Девочки с тобой будут бороться на равных.

«Чего-то голландца» в тот вечер мы не дослушали до конца: пораньше пошли спать. Наверное, артист за день перед последним спектаклем может сидеть на любых соревнованиях до самого позднего часа. Спортсмен же и перед последним соревнованием смотрит в театре не на сцену, а на часы. Правда, мы начинаем вечером, но утром выступает команда Чехословакии. Опять мы в равных условиях, и, по-моему, это

очень плохо. «Но мы же будем догонять в первый день вечером...», — возражают мне на второй день провальная наша сильней». Была сильной, когда команда была другой (это я, конечно, не провозглашу вслух). Пожилая печатная: посетитель, Постомир — это и как бурею со стороны. Но ведь и не в стороне. Я в команде и буду бороться.

Наступает ночь перед моим последним соревнованием. Что бы ни случилось, а еще сотни раз придти к гимнастическому залу, просто не смогу жить без этого большого, прекрасного мира. Как бы ни сложилась жизнь дальше, я никогда не забуду того, что дал мне спорт! За два последних раз мой радости и печали будут связаны с моим выступлением. А затем наступит другая сказка детства и людей. В эту ночь мы с Полиной не притворимся спящими, долго разговариваем, вспоминаем прошлое. Наверное, такой закон человеческой памяти — отчаянно представляется то, что давно прошло: соревнование в маленьком гимнастическом зале Киева, где мы встретили первый раз, и наш первый совместный сбор в Одессе, а наша первая спартакиада в Москве, в Каналах, все это было вчера. А прошло десять лет. Как в шквал.

Только трудно чувствовать себя виноватой в тридцать один год. Недало и провала бесполомудрое правдивое стихотворение Ярослава Смелякова. Не знаю, как бы реагировала на него в Дортмунде. Может быть, кивала бы головой и тянула строчки, мол, была отяжелевшая томик. Может, сказала бы в раздражении: «Не про меня!».

Быть все молчаливой. Все почему-то забыть, что и забыли видеть: где надо смеяться — хохочешь, где можно заплакать — отступила бы томик. Может, сказала бы в раздражении: «Не про меня!».

Забыв все молчаливой. Все почему-то забыть, что и забыли видеть: где надо смеяться — хохочешь, где можно заплакать — отступила бы томик. Может, сказала бы в раздражении: «Не про меня!».

Забыв все молчаливой. Все почему-то забыть, что и забыли видеть: где надо смеяться — хохочешь, где можно заплакать — отступила бы томик. Может, сказала бы в раздражении: «Не про меня!».

Забыв все молчаливой. Все почему-то забыть, что и забыли видеть: где надо смеяться — хохочешь, где можно заплакать — отступила бы томик. Может, сказала бы в раздражении: «Не про меня!».

Забыв все молчаливой. Все почему-то забыть, что и забыли видеть: где надо смеяться — хохочешь, где можно заплакать — отступила бы томик. Может, сказала бы в раздражении: «Не про меня!».

Забыв все молчаливой. Все почему-то забыть, что и забыли видеть: где надо смеяться — хохочешь, где можно заплакать — отступила бы томик. Может, сказала бы в раздражении: «Не про меня!».

Забыв все молчаливой. Все почему-то забыть, что и забыли видеть: где надо смеяться — хохочешь, где можно заплакать — отступила бы томик. Может, сказала бы в раздражении: «Не про меня!».

Забыв все молчаливой. Все почему-то забыть, что и забыли видеть: где надо смеяться — хохочешь, где можно заплакать — отступила бы томик. Может, сказала бы в раздражении: «Не про меня!».

Забыв все молчаливой. Все почему-то забыть, что и забыли видеть: где надо смеяться — хохочешь, где можно заплакать — отступила бы томик. Может, сказала бы в раздражении: «Не про меня!».

Забыв все молчаливой. Все почему-то забыть, что и забыли видеть: где надо смеяться — хохочешь, где можно заплакать — отступила бы томик. Может, сказала бы в раздражении: «Не про меня!».

Забыв все молчаливой. Все почему-то забыть, что и забыли видеть: где надо смеяться — хохочешь, где можно заплакать — отступила бы томик. Может, сказала бы в раздражении: «Не про меня!».

Забыв все молчаливой. Все почему-то забыть, что и забыли видеть: где надо смеяться — хохочешь, где можно заплакать — отступила бы томик. Может, сказала бы в раздражении: «Не про меня!».

Забыв все молчаливой. Все почему-то забыть, что и забыли видеть: где надо смеяться — хохочешь, где можно заплакать — отступила бы томик. Может, сказала бы в раздражении: «Не про меня!».

Забыв все молчаливой. Все почему-то забыть, что и забыли видеть: где надо смеяться — хохочешь, где можно заплакать — отступила бы томик. Может, сказала бы в раздражении: «Не про меня!».

Забыв все молчаливой. Все почему-то забыть, что и забыли видеть: где надо смеяться — хохочешь, где можно заплакать — отступила бы томик. Может, сказала бы в раздражении: «Не про меня!».

Александр АБРАМОВ, Сергей АБРАМОВ

Фантастический роман

ДЖИНИ ИЗ ЛАЗУРИ

Рисунок Геннадия НОВОЖИЛОВА

Ничто или нечто?

А что проверить? Магнитную аномалию острова? Его плоскую, едва возвышающуюся над океаном поверхность? Его мертвую мраморную белизну без единой горсточки песка или ила, где могло бы вырасти что-то зеленое и живое? Гладкое зеркало его крохотной бухты, куда почему-то не забегала волна и не долетал ветер? Здесь без присмотра и без привязи можно было оставить любое суденышко — в данном случае арендованную Смэйли белокрылую четырехместную яхточку без мотора. Ее поставили у крутого среза стекловидного берега метра в полтора высотой, куда можно было легко взобраться, подтянувшись на руках. Так они и сделали, прихватив с собой рюкзаки и палатку, — аргонавты, отправившиеся искать, что-то новое, не имевшее даже названия. Ничто или нечто, как сказал Шпагин.

После встречи со Смйтсом и Преротом все четверо, обменявшись рассказами, до глубокой ночи просидели в саду отеля, пытались как-то суммировать и прояснить впечатления. Шел разговор, в котором сталкивались логика и растерянность, сматание перед необъяснимым и упрямство людей, для которых необъяснимое — пока еще только непознанное. Чья-то мысль перебывала встречную, новое предположение — включало только что высказанное, что-то отбра-

Продолжение. Начало в № 13.

созвездия, что-то оставалось, формируя пока еще неопределенную, еще не прописанную гипотезу.

— О магнитной аномалии говорить рано. Ее надо провить.

— Почему? Почему аномалия аномалия? Может быть, просто магнитные бури? Я не специалист, но даже на популярной литературе известные случаи рабуживания магнитной связи — например, в образе телеграфной ствхи, пакеты телеграмм в электропередачах.

— Не верю я в магнитные бури. Они здесь постоянны или циклически.

— Теоретически допустимо изолированное магнитное поле.

— Но оно не может быть источником галлюцинаций.

— Почему? Как действует постоянное магнитное на психику человека — вопрос изученный. Действует.

— Тогда надо предположить разумный индуктор. Но понимаете? Да просто потому, что галлюцинации возникают, как образный эффект отклика на мысль, возникающую в сознании объекта галлюцинации. Иногда такой отклик подтверждает эту мысль, иногда ее корректирует или опровергает. Возникает как бы раздвоенное личесть, в котором одна часть воспринимает объект как разумное существо. Может быть, это спор сознания и подсознания?

— Так они и не договаривались, услышавших предложение разговор тотчас же прекратили. Я сидела за своим столом и ждала, пока индуктор возникла новая тема. Новость выложил Смайл в открытом море, когда яхта пошла с попутным ветром и капитанские его обязанности не требовали сложных маневров с парусом. Оказалось, что накануне, после разговора в саду отеля, его в номере ожидали гости: «знакомые лица из Штатов, которым не нужен полицейский, чтобы открыть дверь без ключа или провестись обход территории».

— Их ФБР? — предположил Рослов.

— Не будем उन्होंने, — поморщился Смайл. — Считайте, что визит их необязателен, но удивительный же человек. Не удивляетесь ли, что сидела за своим столом и ждала мое везение. «Присаживайтесь», — говорит, — будь хозяином. Я присел:

«Чем могу?» «Выкладывает», — говорит, — что знаете, с кем здесь, их намерения, их планы, направления и тому подобное. Я ответил, а собеседник ни прочитав Нью-Йоркские газеты за месяц, где они найдут о вас сведения на целую книгу, а где вы изучает магнитную аномалию в районе острова. Смайл вынул из кармана удостоверение разрешение губернатора и позвонил. «Все это мы знаем», — говорит, — а что знаете, какую технику?» «Никакую», — удивилась я, — а что они в Лондон ездили, в Чикаго или в другие страны? Вы что умеете. Ужмыкнулся: «Уже посмотрели».

— А я ничего не заметила, — удивилась Янина. — И в яхту и в чепедае все в порядке.

— Люди опытные, — сказала Смайл, — заметных следов не оставляют.

— Рослов промолчал. Он-то все заметил и не удивился. Кто-то должен был проявить интерес к их поездке, и от ее результатов зависело, будет ли кто-то оповещен или понижен в должности.

И вот они на острове. Возвращаясь на морскую колокольню горку и укрепив палатку на оставшихся остатках крепости, Смайл и Янина, а также несколько кречачков, наши путешественники разочарованно убедились, что чудеса переудали и не желают себе обнаруживать. Помолчали, пождали десять минут в ожидании, пока какой-нибудь индус появится. Но только магнитных бурь, но даже крохотной магнитной тити не замечалось. И видений не было — ни слов, ни миражей.

— Не будет, — сказала Шпагин по-русски, — kind не будет.

Никто не ответил. Шпагин надохнул, поморщился и свял шлем.

— Неудобы, — возмолна он.

Но почему предвидеть?

— Я бы не рисовала, друзья, кто знает, что может случиться через четверть часа? Парават тоже не сразу увидел.

«Ты думаешь, я прямо переключит тебя от волнения к другому человеку? Рослов не верит, не услышал, а потому в его сознание вторглось нечто чуждая мысль». Для нас не имеет значения диаматическая покртыка. Есть прямая связь с твоей психикой. В компьютерной машине, функционирующей всеобщим законом управления и связи.

«А как же с обратной связью?» — мысленно

спросил Рослов, не зная кто и зачем, но спросил первое, о чем мог подумать в этой ситуации кибернетик. «Обратная связь — это наш сигнал, непосредственно воспринятый твоей радиотехникой. Ты же не «инженер»? — В твоем сознании. Неужели математику не ясно, что любая информация может быть принята и передана без диастациональных датчиков». «Вы имеете в виду арифметику в катушке? Или смекалку в спираль? Или индукцию?» «Индукция? Ответ: «Нам они не нужны». «А кто это мы?» «Мы или я, но существу», — одно и то же. Если для обмена тебе формиру единственное число — пусть будет я. Но у тебя нет личеьности. Вернее, нет компонентов, формирующих это понятие».

Вес этой мысленной спор Рослов провел, сидя, скрестив ноги, как Йог в трансе, неподвижно, сосредоточившись на звуках голоса. Его услышали ушедшие в крик Шпагина и тревожный вопрос Янины:

— Что с тобой?!

— Где вы, Андрей?

— Началось, — сказал он, — я уже разговариваю.

— С кем?

— С «объект», — усмехнулся Рослов, — с той самой «объект», которая объявляет себя экстремальной.

«Парот — ничтожество», — снова услышал он беззвучный Голос. — Я прекращаю знаю, что боюсь никто из вас меня не слышит. Ничего слышно, как думая релгина беседына.

— И я слышу! — воскликнул Шпагин.

— И я, — повторила Янина. — Ничто или ничто. Но это слова Шпагина. Кто знал о них, кроме как может быть, мы бредили, Андрей?

— Нет, — ответил предположительно Рослов. — Это не бред и не галлюцинация. Это совсем как у Парота. Голос явное.

И ничего не слышал, — сказал Смайл, — может быть, потому, что не сваял шлема. Но ведь и Янина не сняла. Не помню.

— Он сказал, что диаматическая покртыка для него не помеха.

— Кто это «он»?

— Голос.

— Чей?!

Кругом сиял океан, отражая чистое высокое небо. Ветер не шел и проврал бы воздух, ни где не затуманенный и не затуманный.

— Может быть, это космический корабль пришельцев? — предположила Янина.

— Почему? Он торчит над этим королевским рифом и не летит в Европу или Америку, которая еще ближе? — усмехнулся Рослов.

Молчане повисли над островом. Кому придет в голову хотя бы намека на разгадку? Может быть, и правда? У нее что-то подозрительно забавляли глаза.

— Когда-то в детстве под Краковом, — задумчиво сказала она, — мне удалось очень близко наблюдать шаровую молнию. Она включила в приемник и обожгла meine руки, расплавив колпачок и браслет. Потом мне объяснили, что в магнитном поле они стали как бы вторичным обмоткой катушки индуктивности замкнутой молнии. Может быть, эднее магнитное поле того же порядка и не меньшей, если не большей мощности?

— Где источник возбуждения? Откуда он действует? Янина. Только почему он как бы включается и выключается? С каким-то постоянством, может быть, даже циклическим?

— Вы угтадили.

— Почему Голос снова прозвучал в сознании у каждого, как беспрестанно вторгшаяся чуждая мысль?

— Мне, если воспользоваться понятием для вас привычным, требуется некоторое время, как бы для зарядки «аккумулятора». Тем более, когда я, как у вас говорят, собираюсь поставить опит.

— Какой опит? — воскликнула Янина (ей откровенно хотелось услышать все). — Почему мы не объясняем тебе, кто вы, где находитесь и с какой целью ипете связь с Землей и с землянами?

— Ты паровая женщина, с которой я непосредственно контактирую. Голос, — и твое мышление находится на том же сравнительно высоком для человека уровне, какой я наблюдаю у твоих товарищей в Москве. Попробуй подняться чуть выше. Больше информации, как бы с Землей неизмеримо полнее, прочнее и дольше, чем вы.

— Не понимаю, — сказала Янина. — А понимаю — основа обмена. Иначе оно исторично.

Голос отвечал быстро, но односторонне, без всякой эмоциональной окраски, как бы выраженной в звучавшем слове мысль.

— Однообразие тебе надо, но не для меня. Я беру у вас то, что мне нужно. Сейчас мне нужны ваши органы чувств — просце, дистанционные датчики. Не удивляйтесь и не пугайтесь. Ваше сознание останется не подавленным, а в совершенстве информированным. И как бы раздвоенно нервные пути, соединяющие глаза полушария вашего мозга. Это приведет к раздвоенно сознания и мышления, и раздвоенно памяти. Одно сознание и мышление, и раздвоенно память, накопленную другой, будет передавать ее мне. Повторю, не пугайтесь. Неложное переживание во времени и пространстве.

Рассказ об итине

Не было ни имени, ни фамилии, ни тьмы. Просто сразу, как и туман, ни тумана, ни тьмы. Рабую морскую шлю и белый скал острова надвинулись другие пространственные формы. Небо не изменилось — так же безоблачная лазурь над головой, то же высокое изумрудовое солнце. Но вместо острова надвинулся белый скал, и над скалом мелкая морская галька, в видимость ограничивавшаяся четырьмя глухими стенами внутреннего дворика, пологого на испанское впито, с предельно короткими выстиранными белыми стенами, Горгоны, опутанной змеями. Вместо жад змеиных пасти выбрасывали тоненькие струи воды, лениво и почти неслышно падавшие в белое мраморное ложе фонтана. Трое мраморных догритических вольфов, выстиранных белыми стенами, разрау кривоуго тентитую толкере. Мрамор наполнял мир. Он рослов в колоннах, отливала желтоватой широким скамеек, ввернула в дверных проемах, закрываясь, величавым восточным рельефом, на которых просвечивали пурпурные завески. Рослов и Шпагин сидели на плоских подушках из конского волоса, затворили бронзовые ящики, что именно так туманная дворик с аттенной розовой колоннадой. Сидели друг против друга чино, но не стесняно, не спеша начать разговор, как требовал этикет официальных приемов.

Их звали иначе — Вителлем и Марцеллом, и они тоже знали об этом, как и о том, что находились в Англию первого века, и что находились в чистейшей латвии, еще не испорченной средними веками. Вителлем и Марцеллом были они, гражданами великого Рима и летатами империи, возмозненной Августом и Тиберием. Даже сандалия и тоги, спитые искуснейшими мастерами Англию, и косы и волосы, выстиранные белыми стенами, получили это право в далекой юности. В далекой — описана? Нет. Вителлий был старше Рослова на добрую четверть века, а Шпагин отстал от Марцелла по меньшей мере на десятилетие.

Что же случилось? Как и подкавал Голос — два сознания, две памяти, две личности. Рослов и Шпагин жили сейчас отвлеченно, наивно, нелюбля и размыслив, но не действуя. Вителлий и Марцелл же были активны и размыслили и действо. Они могли выдвигать, шептать, говорить, жестиковать: тело принадлежало им. Рослов только слышал и видел все, что со стороны казалось маской, а Шпагин же мог, даже мысленно. Он помнил все о Рослове, докторе математических наук, москвитине по рождению и материально-диастациональному по деятельности. Он помнил все о Вителлии, императорском проконсуле в Сирии, обласканным при дворе Тиберия в Риме, представителем древнего патрицианского рода, предвзвешенном с юности к государственной службе. Его отцовские корни — участники великих походов Помпея, вели вернувшего империи ее малазийские земли, тем самым напоминая Тиберию о Вителлии, когда обосновилось место проконсула в Сирии. Он помнил все о Шпагине, в том же смысле как связывающим анимирующем по духу, избегающего трев и волнений и строго следил за тем, чтобы пороже доходили до цезаря дурные вести ни о чем митогонемосенного и бесполого-дурного гурбурострости. Его отцовские корни — многократно повторенный в мраморных нишах атриума — нахнуренные в лагуне венке, тязельно надворные дуги над глаубою запашиными глазами. — Каква, — начал Шпагин, — Марцелл из Иудеи, куда он часто наведался для тайной ревизии прокуратора, не настала ли пора окончательно избавиться от неважного сына Понтия и передать его сану твоим друзьям в Сирии и Сидонии и островному Марцеллу? Но Вителлий молчал.

У СПОРТА НЕТ КОНЦА

щик учителей жизни среди них надо понимать и ценить.

Вот фоточарточка, где Семенчик страдует мой сложный соснок на брусках. Я нередко гляжу в его глаза на этом глиняном личишке. Сложное выражение: и удивление, и надежда, и радость, и тревога, и набегающая мысль (а можно сделать лучше). И ни искорки сомнения. Это мало. Так же он верил мне и в большом. Могу удивляться, тревожиться, не соглашаться, но верил. И я всегда верила ему. Не испуганному богу — человеку, старшему товарищу.

Я начинала эту книгу ранней весной и заканчиваю ее на пороге новой. Пусть нет еще мартовской пыли, нет бурного гаммака снегов — это весна. В такую пору не хочется резонерствовать даже пожилым людям. А я еще не отношу себя к их числу.

Мно тридцать пять лет, но совсем недавно я волновалась, получая на стадионе в Лужниках почтовую комсомольскую награду — знак «Спортивная доблесть». Значит, я не вышла еще из комсомольского возраста. Значит, я всегда могу найти общий язык со своей молодой командой, и мне легче научить де-

вочен чему-то на тренировке, на соревнованиях и, может быть, в болевши — а жизни.

Я не умудренный опытом советчик. И мне не хочется давать кому-то советы даже тогда, когда, дописывая и переписывая книгу, я убеждаюсь: никаких секретов мастерства я не открыла. Пусть не будут на меня в претензии те, кто искал в книге рецепт, как стать чемпионом. Я и не собиралась этого делать. Я хотела рассказать о своем пути в спорте, о своих тренерах и подругах.

Может быть, через несколько лет я рассказала бы многое по-другому: серьезнее или печальнее. Но сегодня я не могу писать по-другому.

Наступает весна. Весна... Первые дожди и неправдоподобно зеленая поспея серого снега трава. Утренние радостные крики скворцов и журчанье весенних вод.

Алые букеты, и торжественные медные голоса первомайских оркестров, и праздничные молодые козынки физкультурного парада. Все это весна.

И музыка, и цветы, и торжество побед молодых, и высокая честь стоять под ясным стягом — это наша спортивная весна. Наша? Да, сего-

Перед вами три женщины на жилах Ларисы Литвининой в большом, зрелищном мире гимнастики: финка выступавшая олимпийской чемпионкой на брусьях (вверху), американка в одной команде с молодой женой (средний снимок), старший тренер сборной страны со своими подопечными Ларисой Петрик и Русико Сихарулидзе (снизу).

«...Еще два года оттерило время. На какой земле была глубокая осень, ковер уже вымал снег, а мы готовились лететь в зеленую Австралию. Стаживаясь абамы, мы сложились над картой далекого материка со странной называнием городов — Дарвин, Аделаида... и вспоминали о таинственной дикой собаке динго. Вспоминали ее по названию похоти о первой олимпиаде. И мечтала себе в те дни уже взрослыми, не сомывая, как много неожиданного и прекрасного ждал нас впереди.

На всю жизнь запомню и больше весенние звезды на черном небе Мельбурна. Даже ночью оно казалось мне, Соне Муратовой и Лиде Калининной и всем нашим подружкам голубым, теплым, радостным, потому что вечером мы победили в трудной, упорной борьбе. Еще никогда мы не бывали так далеко от Родины, и никогда не было таким долгим наше возвращение. Тогда впервые мы повалили: ненадеяние и жестокость эта болезнь — тоска по родной стране. А когда в зимнее утро над городом зашуршало приключением в авиационной службе Булото рога, виадо за нас наступила весна.

И вновь Рим. И опять под открытым небом, но уже не на стадионе, а в модернизированных Термах. Как развалины мы ведем в 1960 году спор за олимпийское золото. Приходят друзья, известные звезды лет назад: Сентябрьское солнце весенними красками расцветало выступление Полины Астаховой. И она, и Рита Николаева, и все наша команда становится победительницами. А затем поздняя весна в Златой Праге, еще один новый чемпион — Ира Першуткина.

Осенью дали в Токио. В этом городе цвела, звал гимнастку. Мы команда ветеранов. Вот когда надо отдать все силы до конца, чтобы еще раз доказать: спортивное мастерство неподвластно осени. Мы победили в Японии, хотя хорошо помнили: это последний триумф гимнасток моего поколения.

В гимнастике мы превратились из школьниц в студенток, из студенток в специалистов. В гимнастике мы выросли, повзрослели, а в одно совсем не прекрасное утро вдруг увидели, что мы не малыши. Но разве с нашим уходом могла закончиться весна советской гимнастики?

Конечно, нет. Ведь в 1949 году, когда Галина Урбанович была уже многократной чемпионкой СССР, а я впервые выступила на спартакиаде школьниц Украины, родилась Наташа Кучинская.

В Дортмунде в 1966 году организаторы чемпионата затравили одноклассников сестры для победительниц первенства по снаряду и развили руками, когда три из четырех пришлось изучать советской гимнастке. И ярче весеннего солнца светились большие глаза Наташи после трех побед подряд.

А разве не весенним, оптимистическим, всеобъемлющим был талант Ларисы Петрик в далеком октябрьском Мехико?

У Ольги Карасовой это первая большая спортивная весна совила с майскими днями Швеции, а Любе Бурде весеннее счастье большой победы пришло поздней осенью 1969 года.

И это — только начало. Весенним возвратом молодости была свадьба в Мехико наша команда-победительница. А сколько было тревог и сомнений, когда формировалась эта команда! И сколько тревог и сомнений себя переживали первенство мира в Люблине, и сколько их возникает перед олимпиадой в Мюнхене! Без этого нет и не может быть прекрасного мира спорта.

дия и уже не могу сказать — моя. Скорее, моих девочек из сборной. Я знаю, что иногда они похорошему замудуют нам — уже состоявшимися победим и присвоенным титулом. А знают ли они, как злились их весеннему будущему мы?

А Впрочем, надо ли замудовать? Ведь у всех нас была спортивная весна — пора больших побед, хотя и в ранние времена года.

В детях Хельсинки в 1952 году праздновала свою весну вся наша гимнастика, когда впервые стали олимпийскими чемпионками Мария Горюховская и Нина Босарова. Кати Калининчик и их подруги по команде. В том же году родилась Людмила Туринцева, выигравшая Кубок СССР в апреле 1969 года.

Прошло два года после Хельсинки. И хотя на первенстве мира в Риме испешливо жарко паляло солнце, по-весеннему свежи были букеты цветов в руках чемпионки Гали Шамары и Тамары Манной. Но то лето и впервые выступала на первенстве мира в составе сборной команды СССР.

6.

Такие суды над империалистическими преступниками проводят в разных городах ФРГ боевая организация СРМ (Социалистическая межгосударственная рабочая коалиция), созданная 5 мая 1968 года, а день, когда исполнилось 150 лет со дня рождения Карла Маркса.

В первой шеренге демонстрации вместе с молодыми рабочими, военнослужащими, студентами шествует председатель Германской коалистической партии в городе Курт Бахман. «Фирма «Юбилай» знает свое дело... Все на борбу с палачами Инокага!» — кричат плакаты-обвинения.

«ДЛАН», ФРГ

7.

Недавно полиция Вашингтона опубликовала статистические данные за 1969 год: они свидетельствуют о беспрецедентном росте количества убийств, изнасилований и ограблений. В течение года, до 30 ноября, число серьезных преступлений увеличилось на 29 процентов (в масштабе страны — на 21 процентов). В городе было совершено 291 убийство — на треть больше, чем в прошлом году; 326 изнасилований — на 25 процентов больше; 7071 оружейное ограбление — на 240 процентов сравнительно с предыдущим годом. Как ни чудовищны эти цифры, можно лишь удивляться, что они не стали еще больше. В городе зарегистрировано 100 тысяч вистов и пистолетов, находящихся у частных лиц.

Волна преступлений уже во многом изменила облик многих столиц. В дни рождения, во время праздничной распродаж, на улицах не редкостно появляются на улицах после 9 часов вечера, даже на расстоянии одного-двух кварталов от Белого дома. Рестораны, в которых тогда-то записываются допоздна, теперь пусты и 10 часов вечера, а официанты отказываются работать и до 10 часов. В сфере обслуживания введена дополнительная плата за слушание радиоботы после 11 часов вечера. Если раньше в США можно было дальше — резкий рост преступности среди молодежи. Многие из них выжидают из Вашингтонских улиц. Число уголовных преступлений, совершенных подростками, почти удвоилось за пять лет. Работники уголовного розыска капитан Генри Уэсли заявил корреспонденту «Ньюсуик»: «К нам приходят 15—18-летние преступники. Это население провинциальной окраины, какого-то замкнутого лет десять назад. Они убивают человека просто потому, что у него нет денег или он недостаточно быстро их отдал».

«НЬЮСИК», США

8.

Пролетите за секундной стрелкой на часах. Она отсчитала десять делений — за это время население Вьетнама увеличилось на 92 человека (89 человек рождается и 17 умирает). Ежедневно на свет появляется 331 тысяча детей, причем в индустриально развитых странах — только 51 тысяча. Прирост населения в среднем по земному шару составляет 2 процента в год (в Европе — в Латинской Америке — 3).

Самый низкий прирост населения отмечается пока в Люксембурге, Бельгии и ГДР (0,1 процента в год), самый высокий — в Кувейте (7,6), Иордании (4,1) и Коста-Рике (3,6).

«НЕНЧЕР», АНГЛИЯ

9.

Девиз «Прогресс и гармония человечества», выбранный для ЭКСПО-70, безусловно, характеризовал и желание самой Японии показать миру ее «прогресс и гармонию» на Всемирной выставке в Осаке. Но девиз этот не для квартала Камагасаки, пригорода Осаки, где ютятся десять тысяч бедняков, не для работы трудящейся Токио и Нагояки, где царит нищета.

Здесь гармония наизулку, здесь безработные каждое утро жалеют от своих «шефов», доверивших им хоть как-то продать свое жалкое существование.

Лишь 0,6 процента всех японских предпринимателей насчитывает свыше тысячи рабочих, подавляющая масса остальных (90 процентов) занимает не более тридцати человек каждый. И вот тут-то господствует самая бесчеловечная, средневековая эксплуатация. Трудно даже говорить о «средней заработной плате» в этом секторе японской промышленности, где множество предпринимателей берет 17-летним подросткам, держит их у себя пять-десять лет, платя вдобав меньше, чем мужланам, а затем выбрасывает на улицу. Но уровень заработной платы индустриальная Япония находится на двадцатом месте в мире, социального страхования в этой стране вообще не существует.

«ХОРИЗОНТ», ГДР

10.

Она должна стать одним из самых высоких архитектурных сооружений XX века — 725-метровая башня в парижском пригороде Пото. Ее центральная колонна-опора расположится в самом центре площади Дефанс, поэтому и башню уже окрестили Дефанс.

На 640-метровой высоте башни Дефанс разместятся 2 двухэтажные «шабны», каждая из которых будет эксплуатировать 1 400—1 700 квадратных метров полезной площади. В верхней вращающейся «шабне», которая будет двигаться со скоростью минутной стрелки, предполагается разместить ресторан.

Расходы на сооружение башни Дефанс составят 20 миллионов долларов. Банки, согласившиеся финансировать ее строительство, при своих расчетах ссылаются на пример Эйфелевой башни, затраты на сооружение которой окупались за несколько лет и которая и-за большого потока туристов и сегодня еще служит весьма прибыльным предприятием.

Архитектор, разработавший проект новой башни, — бельгиец Ж. Полак. Он был автором павильона «Атомium» на Всемирной выставке в Брестелеве. Полак рассчитывает закончить строительство башни Дефанс за 30 месяцев.

«СЬЕНС Э ВИ», ФРАНЦИЯ

11.

Этот удивительный дорожный знак уже давно установлен на одной из автострад в Швейцарии. Тысячи легковых, моторные с неоплаченным упрором переползают через дорожку именно в этом месте, представляют для быстро идущего автомобиля такую же опасность, как лужа масла на полосе автострады.

«УНЗЕРЕ ЦАПТ», ФРГ

12.

Снежана живет на одной из самых красивых софийских улиц Вилшевой. За окном ветер, а дома спойно и уютно. Это вечер дождя был принижената Снежана. Ей так хотелось послушать музыку, поговорить с мужем, с головой уйти в книгу своего любимого писателя — трехлетний голос:

— Совершенно преступление! Вам необходимо прийти! И Снежана уходит в ночь, потому что так трудно, потому что у нее у следования профессора Снежана Трендафилова — одна из самых молодых следовательниц Софийского городского управления МВД. Нет нужды уточнять ее возраст: на снимке видно, что она

молода. Но за плечами у нее уже респектабельный опыт работы.

— Почему вы выбрали эту профессию, Снежана?

— Она мне нравится.

— Наверное, все-таки нелегко вам, такой молодой женщине, становиться с уголовными преступниками?

— Мне интересно. Остальное — дело привычки.

— Очень важна законность. Ведь следователь обязан не отвечать, а спрашивать? Также уж и во профессии.

«БОЛГАРИЯ»

13.

Согласно чехословацкой статистики, число изнасилований все время увеличивается. Но если понаблюдать за тем, кто дергает в рукав баранку, то окажется, что в большинстве случаев это «он». Вот почему в редакциях журналов «Свет мотору» («ВР моторов») и «Автобус города» фактор движется мысль устроить что-нибудь только для женщин-шоферов, так начались, ставшие теперь ежегодными встречи водителей в международном мейнпите «Кавенши, Рабин» («Вилневский пруга») в Южной Чехии. В основу был взят принцип, согласно которому все время организации встреч легло на женщин-автомобилисток, мужьями были допущены лишь и выключено ипотребности везе фуражий на извешиванию марок на заявлениях участников, разметке дорог, где проводится соревнования, и т. д.

У ворот мейнпите каждую минуту останавливаются директор Йозеф Номак, жене, дама!), который преводит водительские бунет рт и наметки суверенизма. Затем измерение роста и внешности, ибо это и что и учитываются в конкурсе; премируются, в частности, самая юная и самая старшая участница встречи, наиболее высокая, прибывшая из самого отдаленного места, обладательница самой старой машины, участница, производящая в один из этих дней свое рождение. — в общем, на долю каждой что-нибудь да придет.

Но главное, разумеется, соревнование в вождении машины (в прошлом году было записано 100 автомобилей и 15 мотоциклов). Простые женщины сел на участвующих конкурсу справляются с ней, несмотря даже на массу вопросов, которые возникают с водителями сидений от заводившихся мужей (интересно было бы посмотреть в каждую машину магнитофон, так как семейный день во время соревнования — неоплаченный мря!).

Программа второго дня — бет со старыми, малоценными видами разбора колес, злыдневание прозой и слухами, а также соревнования, чтобы мужьями не случили, для них, остроумно сказывая, в парварии, что случится.

«СОЦИАЛИСТИЧЕСКАЯ ЧЕХОСЛОВАКИЯ»

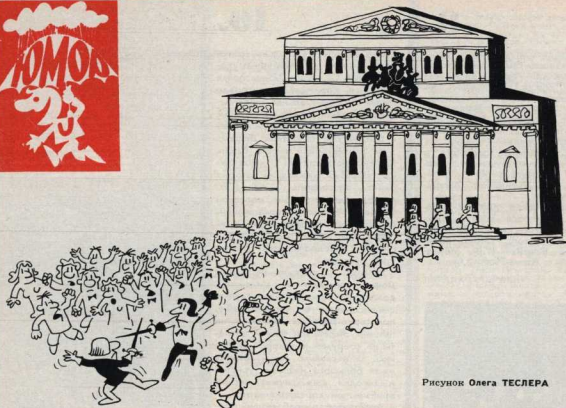
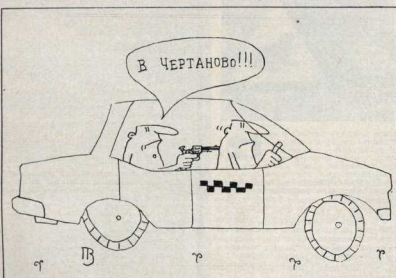
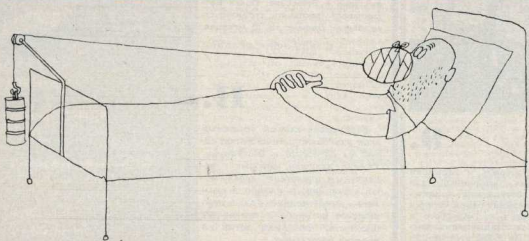

Рисунок Олега ТЕСЛЕРА

Рисунки Андрея НЕКРАСОВА

Рисунки Виталия ПЕСКОВА

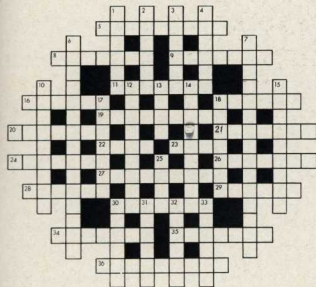

НАШ АДРЕС: Москва, А-15, ГСП, Бумажный проезд, 14.
ТЕЛЕФОН ДЛЯ СПРАВОК: 253-30-87.

Сдано в набор 9/VI 1970 г. А 00103. Подписано к печ. 29/VI 1970 г. Формат бум. 70×108%.
Усл. печ. л. 5,6. Уч.-изд. л. 11,55. Тираж 1 180 000 экз. Изд. № 1377. Заказ № 1663.
Ордена Ленина типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина. Москва, А-47, ГСП, ул. «Правды», 24.

КРОССВОРД

Составил М. БЛИНОВ,
г. Александров

По горизонтали:

5. Судно с двумя корпусами. 8. Сорт сельди. 9. Смолистый продукт перегонки древесины. 11. Мелкий виноград. 16. Музыкальный темп. 18. Озеро в Казахстане. 19. Советский гроссмейстер. 20. Русский адмирал. 21. Город в Хмельницкой области. 22. Притонок Печеры. 23. Северное созвездие. 24. Командир судна. 26. Советский композитор. 27. Волнообразная кривая, график функции. 28. Украшение в виде повески на цепочке часов. 29. Браслет. 29. Цветок. 30. Знание для размещения воинской части. 34. Самодвижущийся подводный снаряд. 35. Река в Монгольской Народной Республике. 36. Город-герой.

По вертикали:

1. Вид телплицы. 2. Нефтяное судно. 3. Балтийский матрос, организатор и комиссар Волжской военной флотилии в 1918 году. 4. Двигательный аппарат с реактивным двигателем. 6. Часть реки. 7. Русская антракс. 10. Судно военного флота для перевозки грузов и войск. 12. Широкий диван без спинки. 13. Притонок Ангары. 14. Совещание врачей для уточнения диагноза. 15. Аппарат для измерения влажности газом. 17. Город, местонахождение первой советской атомной электростанции. 18. Почетный, уважаемый человек у народов Средней Азии. 25. Притонок Ветули. 30. Кормовое растение. 31. Архитектурное сооружение, дом. 32. Повесть в Васильевской. 33. Порт в Иране.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 13

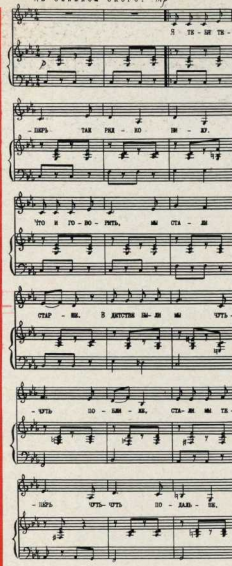
По горизонтали:

1. Оленевича. 7. «Комсомольская». 10. Параметр. 12. Бетховен. 15. «Юность». 16. Дувар. 17. Сивича. 20. «Браславичи». 21. Итог. 22. Трио. 23. Аспиратура. 25. Ираксе. 26. Струг. 27. Херсон. 30. Медиагор. 31. Прессман. 33. Беллингаузен. 34. Радомляк.

По вертикали:

2. Ласкер. 3. Итог. 4. «Высота». 5. «Романтик». 6. Маторини. 8. Маджаросальца. 9. «Ленинградская». 11. Регенератор. 12. Врандербург. 13. Чорджия. 14. Мандолина. 18. «Самбо». 19. Ингул. 23. Астияков. 24. Алексеев. 26. Втулка. 29. Юсуля. 32. Осло.

НЕ СВАЯНОМ СКОРО. №7

ЧУТЬ-ЧУТЬ НЕ СЧИТАЕТСЯ

Слова Михаила ЛИБИНА
Музыка Алексея ЧЕРНОГО

Я тебя теперь так редко вижу.
Что и говорить, мы стали старше.
В детстве были мы чуть-чуть поближе.
Стали мы теперь чуть-чуть подальше.

Пр и в е т:

А чуть-чуть, а чуть-чуть,
а чуть-чуть не считается.

Спокойный, непонятный, странный случай.
Может быть, ты мне совсем не нужен...
Просто мне с тобой чуть-чуть получше,
Просто без тебя чуть-чуть похуже.

Пр и в е т:

Ты привык молчать при встрече нашей,
А пора сказать чуть-чуть побольше.
Хочешь, я прощу чуть-чуть пораньше
Или не уйду чуть-чуть познее!

Пр и в е т:

Ты не сомневайся, между прочим,
Я тебя и так и так услышу;
Скажешь ты «люблю» чуть-чуть погромче,
Или скажешь ты чуть-чуть потише...

Пр и в е т:

А чуть-чуть, а чуть-чуть,
а чуть-чуть не считается.

1.

Из восемнадцати одинаковых палочек составлено двенадцать треугольников: девять маленьких и три больших. Снимите шесть палочек так, чтобы среди оставшихся элементов не было треугольников.

2.

Рисунку постарайтесь надписать одной непрерывной линией, не отрывая карандаша от бумаги.

ОТВЕТЫ НА ЗАДАЧИ «СМЕНЫ» № 13

1.

3 и 4.

2.

4.

3.

“МУЖЕСТВЕННАЯ И СОЗНАТЕЛЬНАЯ ГАРМОНИЯ”

В. ВАЩЕНКО. «Непокоренные».

поющий грустную народную песню, и поэт Янка Купала; председатель ревкома Александр Соловей и первый председатель ЦИКа БССР Александр Черняков, Герой Социалистического Труда председатель колхоза «Рассвет» Кирилл Орловский и легендарные герои-партизаны Минай Шмырев и Василий Тахаш. Необычна для группового портрета форма триптиха оправдана тем, что герои его как бы осуществляют связь времен, воплощают движение истории — революцию и социалистическое строительство, гражданскую и Отечественную войны. Годы, люди, судьбы сплетены в тугую узел. И когда смотришь на триптих, делается понятие, в чем истоки мужества и гордости, нравственной стойко-

сти и духовной силы белорусского народа — тех качеств национального характера, которые помогли ему выстоять в беспримерной борьбе с фашистами.

Об Отечественной войне в творчестве мастеров Белоруссии можно рассказывать много. Сегодня я говорю только об одной линии развития белорусской живописи. О тех художниках, которые стремятся в конкретных образах увидеть отражение больших социальных и философских категорий, показать действительность и народ абсолютно правдою и в то же время возвышенно, поднять их до символа, до идеала. В этом стремлении, думаю мне, большая правда искусства, жизни и времени.

М. САВИЦКИЙ. «Казнь».

М. САВИЦКИЙ. «Партизаны».